ВХ
377

А. АЛМАЗОВЪ.

СООБЩЕНІЯ ЗАПАДНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ XVI—XVII ВВ.

О

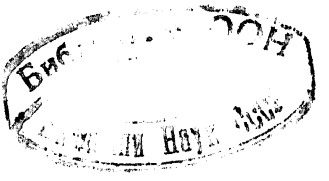
СОВЕРШЕНІИ ТАИНСТВЪ ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

(Церковно-археологическій очеркъ).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

1г

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, Епископъ **Алексій**

039
37

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1888 годъ.

Весьма часто касаясь въ своихъ запискахъ вообще богослуженія Русской церкви, западные иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVI—XVII вв., съ преимущественнымъ вниманіемъ останавливались на совершеніи таинствъ. Нечего и говорить, что сообщаемыя ими здѣсь свѣдѣнія во многихъ случаяхъ страдаютъ неточностью, не имѣютъ достовѣрности и должны почитаться плодомъ поверхностнаго отношенія къ дѣлу. При всемъ томъ, между ними не мало имѣется и такихъ извѣстій, которыя — или отвѣчаютъ свидѣтельствамъ древне-русскихъ литургико-каноническихъ памятниковъ, или говорятъ о дѣйствительной практикѣ при совершеніи въ прежнее время того или другого таинства. Съ точки зрѣнія подобныхъ извѣстій общій обзоръ сообщеній, отмѣченныхъ въ заглавіи нашего очерка, въ значительной долѣ не лишенъ научнаго интереса [1]).

[1]) Источниками при составленіи очерка преимущественно служили сказанія—XVI в.: Герберштейна (1517—1526 г. Рус. пер. И. Анонимова. Спб. 1866; теперь въ сборникѣ «Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI». Ed. Starczewsky Vol. 1, № VII),—Adami Clementis (1553 г.—См. у Starczewsk-aго, vol. 1, № 6),—Ричарда Ченслера (1554—1555 г.—Въ Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи и древностей, 1874, IV, 1—12),—Антона Дженкинсона (1557 г.—Ibid. стр. 30—36),—неизвѣстнаго автора (того же времени.—Ibid. стр. 12—29), Александра Гваньино (1560 г. — У Starczewsk-aго, vol. 1, № VIII),—Іакова Ульфельда (1575 г. — Въ тѣхъ же «Чтеніяхъ», 1883 г. I, стр. 17—40), Кобенцеля (1575 г. Журн. М. Н. Пр. ч. XXXV, отд. II, 127—153), Дэніила Ф.-Бухау (1576 г.—Въ тѣхъ же «Чтеніяхъ», 1876, III, 1—46; IV...),—П. Одерборна (1581 г.—У Starczewsk-aго, vol. II, № XV),—И. Варкоча (1593 г.—Въ тѣхъ же «Чтеніяхъ» 1874, IV, 1—36);—XVII в.,—Маржерета

Крещеніе—прежде всего и въ особенности находитъ себѣ мѣсто въ относящихся къ предмету нашей рѣчи сообщеніяхъ иностранцевъ.

Мѣстомъ совершенія крещенія, по извѣстію всѣхъ иностранцевъ XVI и XVII вѣка, обыкновенно, служилъ храмъ [1]). Но въ какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ отъ этого правила дозволялось дѣлать и отступленіе. Такъ, по замѣчанію Герберштейна,—„русскіе крестятъ дѣтей всегда въ храмѣ, если только не препятствуетъ чрезвычайная отдаленность мѣста или холодъ“ (стр. 59). По извѣстію Фабри—„въ случаѣ сильной стужи младенецъ, обыкновенно, крещается въ какомъ-нибудь особомъ мѣстѣ“ (pag. 8) [2]). „Если новорожденное дитя слабо, говоритъ Олеарій,

---

(1590—1606 г.—Въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ. Спб. 1859, I, стр. 249—318),—неизвѣстнаго автора о путешествіи Датскаго принца Іогансена Младшаго (1604 г.—Въ тѣхъ же «Чтеніяхъ», 1867, IV, 1—56),—Маскѣвича (1594—1621.—Въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, т. II, 1—128), Марцина-Бера (1584—1612. Ibid. ч. I, 11—143),—Георга Паерле (1606—1608. Ibid. ч. II, 153—234),—Петра Петрея (1620 г. Въ тѣхъ же «Чтеніяхъ», 1865, IV, 1—88; 1866, I—III; 1867, II, 343—578),—Адама Олеарія (1633—1638 г. Ibid. 1868, I, 1—76; II, 1—126; III, IV, 227—388; 1869, I—IV),—Севастьяна Главинича (1661 г. Ibid. 1875, I, 1—14),—Майерберга (1661 г. Ibid. 1873, III, 1—104; IV, 1874 г. I, 169—216),—Карлейля (1661 г. См. Русская историческая библіотека, 1879, II, 4—46), — Іоанна Г. Корба (1698 г. Въ тѣхъ же «Чтеніяхъ», 1866, IV, 1—122; 1867, I, 123—201; III, 207—382), а также Корнилія-де-Бруина (нач. XVIII в. Ibid. 1872, I, 1—72; II—IV; 1873, I)—Генриха Седерберга (1709—1718 г.—Ibid. 1873, II, 1—38) и др. (Подробнѣе перечень сказаній доставившихъ матеріалъ для настоящаго очерка, изложенъ въ Правосл. Соб. 1887 г. I, № 2, стр. 191—195).

[1]) См. Герберштейнъ, стр. 59; неизв. англичанинъ, стр. 25; Фабри, pag. 8; Гваньино, pag. 19; Одерборнъ, pag. 39. Только у Ф.-Бухау мы встрѣчаемъ такое извѣстіе, что «всѣ взрослые (при крещеніи) погружаются въ рѣкахъ; прочихъ же крещеніе совершается въ храмѣ» (стр. 38),—извѣстіе, кажется, приложимое только къ исключительнымъ случаямъ.

[2]) Авторъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, храмы бѣдные, устроенные безъ отопленія.

то его крестятъ на дому, хотя не въ той комнатѣ, гдѣ оно родилось: ибо комната эта считается совершенно нечистою. Когда же дитя здорово, то.... несутъ его въ церковь"... (стр. 312) [1]). Но болѣе позднему извѣстію Седерберга „русскіе крестятъ своихъ дѣтей всегда въ церкви, если они не слишкомъ далеко отъ нея живутъ, или если ребенокъ не слишкомъ слабъ" (стр. 29). Указываемая всѣми этими свидѣтельствами возможность совершенія крещенія внѣ храма, добавимъ, вполнѣ подтверждается и чисто русскими свидѣтельствами даже болѣе ранняго времени [2]).—Что касается до времени совершенія крещенія, то иностранцы опредѣляютъ его почти исключительно въ отношеніи дня рожденія, при чемъ, однако, оставляютъ извѣстія съ весьма различными данными. По сообщенію Герберштейна, обыкновенно „въ сороковой день, если ребенокъ боленъ, приносятъ его въ храмъ и крестятъ"... (стр. 59). Ф.-Вухау же говоритъ „младенца приносятъ къ священнику (для крещенія) восьми, или больше дней отъ рожденія (что предоставляется на волю родителей)" (стр. 38). По Карлейлю русскіе „для крещенія назначаютъ всегда первый воскресный день послѣ рожденія" (стр. 27). Тоже самое ранѣе говоритъ и неизвѣстный авторъ XVI в., только съ такимъ дополненіемъ: „когда родится дитя, его не крестятъ до ближайшаго воскресенія, и если случится, что оно не будетъ тогда крещено, должно ждать до слѣдующаго воскресенія послѣ рожденія" (стр. 25). Наконецъ, не близкій же ко дню рожденія срокъ для совершенія крещенія указываетъ и одинъ изъ позднѣйшихъ для насъ писателей, Корнилій де-Бруинъ, когда пишетъ:

---

[1]) Извѣстіе заимствовано у Петрея. Послѣдній въ числѣ условій упоминаетъ еще стужу, которая, по случаю отдаленности церкви, можетъ повредить младенцу въ дорогѣ, или отсутствіе церкви при мѣстѣ рожденія и крещенія (стр. 427).

[2]) См. Русск. историч. библіотека, т. VI, стр. 254; Требникъ Петра Могилы въ главѣ о крещеніи.

„новорожденныхъ охотнѣе крестятъ по истеченіи пяти или шести недѣль, когда они здоровы и крѣпки“ (стр. 113). Совсѣмъ иначе говорятъ другіе иностранцы. Еще по сказанію Гваньино между рожденіемъ и крещеніемъ не полагается долгаго промежутка времени (pag. 9). Въ XVII в. на тоже косвенно указываетъ Петрей (стр. 425), что затѣмъ очень ясно раскрываетъ Олеарій. „Что касается до крещенія, говоритъ онъ, то русскіе считаютъ его въ высшей степени необходимымъ дѣломъ для вступленія въ христіанскую церковь и для вѣчнаго блаженства; ибо они вѣруютъ и признаютъ, что они зачаты и рождены во грѣхѣ, и что Христосъ противъ этого первороднаго грѣха установилъ крещеніе новаго рожденія и очищенія.... поэтому, какъ только родилось дитя, русскіе спѣшатъ крестить его“ (стр. 312). Это извѣстіе въ другомъ мѣстѣ Олеарій подтверждаетъ фактомъ, когда передаетъ: „15-го сентября (1654 г.) пришли приставы и объявили, что наканунѣ в. княгиня родила дочь, которую уже крестили и назвали Софьей. Русскіе, добавляетъ онъ здѣсь, не долго оставляютъ дѣтей некрещенными“... (стр. 54). Почти въ томъ же родѣ въ началѣ XVIII в. извѣстіе Седерберга. „Русскіе, начинаетъ онъ рѣчь о крещеніи, считаютъ крещеніе необходимымъ для входа въ царствіе небесное, такъ что простой народъ тотчасъ послѣ рожденія ребенка спѣшитъ окрестить его; но люди достаточные нѣсколько откладываютъ, дабы совершить крещеніе нѣсколько пообряднѣе“ (стр. 28).

Самое раннее въ разсматриваемомъ случаѣ свидѣтельство, принадлежащее Герберштейну, согласно съ практикою древней церкви; однако едвали вѣроятно, что оно было писано авторомъ исключительно на основаніи наблюденій его надъ современною ему практикою русской церкви. Болѣе правдиво, что онъ руководился здѣсь книжными источниками. Говоримъ такъ потому, что практика древне-русской церкви, еще далеко ранѣе времени Герберштейна, относилась безразлично ко вре-

мени совершенія крещенія [1]). Тоже самое надо сказать и относительно свидѣтельства неизвѣстнаго автора XVI в., которое пріурочиваетъ совершеніе крещенія къ воскресному (или вообще праздничному) дню, и замѣтки Корнилія де Бруина. На основаніи же всѣхъ прочихъ извѣстій, кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что въ XVI — XVII в. практикою русской церкви не наблюдался строго день крещенія, однако принято было, что бы совершеніе послѣдняго не было откладываемо на долгое время. Такой выводъ вполнѣ согласенъ и съ данными чисто русскаго происхожденія [2]).

Совершителемъ крещенія въ сказаніяхъ иностранцевъ трактуется исключительно священникъ, что будетъ очевидно при изложеніи ихъ извѣстій о самомъ совершеніи крещенія. Но при крайней необходимости здѣсь допускалось извѣстное отступленіе, т. е. крещеніе, какъ таинство, могло совершить и лицо не въ санѣ священника. Указаніе на это находимъ у Фабри. „Совершать крещеніе, говоритъ онъ, никто изъ другихъ людей не можетъ кромѣ священника; только развѣ какая необходимость заставитъ отступать отъ этого правила“ (pag. 8). Только Седербергъ совершенно невѣрно замѣчаетъ: „крещеніе никто, кромѣ священника, совершить не можетъ, въ какой бы крайности ни находился ребенокъ“ (стр. 22).

Лицами крещаемыми, помимо младенцевъ, бывали и возрастные. Къ числу послѣднихъ принадлежали язычники (особенно татары), а также лица западныхъ вѣроисповѣданій. Принятіе послѣднихъ лицъ въ лоно православной церкви чрезъ крещеніе, *по сказаніямъ иностранцевъ*, началось не въ XVII в., какъ думаетъ г. Рущинскій, основываясь на извѣстіи Маржерета [3]).

---

[1]) См. наше изслѣд. «Исторія чинопослѣдованій крещенія и муропомазанія». Казань 1885, стр. 536—537; 600—603.

[2]) См. ibid.

[3]) См. Рущинскаго «Религіозный бытъ русскихъ по сказаніямъ иностранцевъ», стр. 225.

Правда, Маржеретъ говоритъ: „Русскіе считаютъ истинно крещенными только тѣхъ, которые крестились по греческому обряду; впрочемъ католиковъ увольняютъ отъ втораго крещенія“ (стр. 259—260). Но это извѣстіе оставлено имъ какъ бы вскользь и стоитъ въ противорѣчіи со всѣми другими иностранными извѣстіями, изъ которыхъ между прочимъ два были высказаны далеко ранѣе времени Маржерета. „Тѣхъ изъ нашихъ земляковъ (католиковъ), которые переходятъ въ ихъ (русскихъ) вѣру, говоритъ ф.-Вухау, они перекрещиваютъ, какъ бы крещенныхъ не надлежащимъ образомъ. Причину этого они приводятъ слѣдующую: что „крещеніе есть погруженіе (mersio), а не обливаніе (aspersio)..... Такъ какъ таковымъ великій князь даритъ нѣсколько денегъ и платье, то часто люди легкомысленные за маленькую прибыль позволяютъ принимать на себѣ крещеніе, и тѣмъ нашей вѣрѣ причиняютъ не малое поношеніе“ (стр. 37—38). Нѣсколькими годами позднѣе Варкочъ писалъ: „если бы привелось крещеннымъ христіанамъ переходить въ ихъ (русскихъ) вѣру, они должны дозволить имъ опять крестить себя; такъ какъ москвитяне сомнѣваются, истинно ли наше крещеніе, то тотъ бѣдный грѣшникъ, который даетъ крестить себя, долженъ отречься отъ принятаго имъ крещенія, и снова креститься“ (стр. 33—34). Согласно этому, очевидно, по извѣстіямъ иностранцевъ, еще во второй половинѣ XVI в., по крайней мѣрѣ католиковъ, русскіе принимали въ свою церковь чрезъ крещеніе. Въ XVII же вѣкѣ, когда благодаря чисто историческимъ условіямъ, усложнились враждебныя отношенія русскихъ къ западнымъ сосѣдямъ,—обычай принимать послѣднихъ чрезъ крещеніе, по взгляду иностранцевъ, только получилъ большую устойчивость и потому всѣ они за это время говорятъ о немъ вполнѣ согласно между собою. „Если кто изъ русскихъ, говоритъ Олеарій, за границей перейдетъ въ какую либо иную вѣру, тотъ долженъ снова креститься. Такое новое крещеніе христіанъ, переходящихъ къ русскимъ

изъ другихъ исповѣданій, русскіе, безъ сомнѣнія, заимствовали отъ грековъ, которые, по отдѣленіи ихъ отъ западной церкви, латинское крещеніе считаютъ недостаточнымъ, и потому желающихъ изъ западной церкви перейти къ нимъ и содѣлаться членами греческой церкви, крестятъ вторично"... (стр. 323—324). „Въ настоящее время, замѣчаетъ онъ ранѣе, въ Москвѣ находится множество такихъ перекрещенцевъ изъ другихъ вѣръ" (стр. 316) [1]).

Самый обрядъ принятія такихъ лицъ въ церковь весьма обстоятельно описывается Петреемъ. „Принимающаго русскую вѣру (взрослаго иностранца), пишетъ онъ, сначала монахи учатъ 6 недѣль кланяться предъ иконами за дневнымъ и ночнымъ богослуженіемъ. Когда ему надобно будетъ говѣть и принимать св. тайны (?), онъ долженъ проклинать и поносить прежнюю свою вѣру и положить на себя заклятіе не принимать ее опять во всѣхъ ея статьяхъ, да и жестоко гнать всѣхъ, ее исповѣдующихъ". По присоединеніи, „отъ имени великаго князя ему даютъ дорогія новыя платья, ведутъ его съ собой въ монастырь [2]), угощаютъ тамъ и радуются, что окрестили его, потому что спасли душу отъ ада.... Сверхъ того великій князь дастъ ему 30, 50 или 100 талеровъ, смотря по лицу и качеству его покровителей" (стр. 428) [3]).—Такимъ образомъ, по сви-

---

[1]) Здѣсь же онъ приводитъ примѣры крещенія лицъ инославныхъ исповѣданій (см. стр. 316—323).

[2]) Авторъ указываетъ въ числѣ совершителей таинства крещенія монаховъ.

[3]) Также и по свидѣтельству Олеарія, обращающіеся въ русскую вѣру «должны прежде пробыть шесть недѣль въ монастырѣ, и тамъ монахи наставляютъ ихъ въ это время въ вѣрѣ, каковое наставленіе заключается главнымъ образомъ въ обученіи ихъ молиться, почитать святыхъ, совершать поклоны и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ передъ ихъ образами. Затѣмъ (предъ крещеніемъ)... они должны трижды отречься и отплеваться отъ ихъ прежней вѣры, какъ ученія еретическаго и окаяннаго, и дать клятву въ томъ, что они никогда уже не обратятся опять къ этому ученію» (стр. 316).

дѣтельству иностранцевъ, присоединенію иновѣрцевъ предшествовало, какъ и теперь, наставленіе въ истинахъ вѣры, обнимавшее собою срокъ, опредѣляемый для этого и въ настоящее время. Указаніе ими монаховъ, какъ огласителей, естественно, если принять во вниманіе, что монастыри древней руси были центрами просвѣщенія.

Соборъ 1667 г., какъ извѣстно, отмѣнилъ указываемый способъ принятія инославныхъ христіанъ, такъ что съ этого времени при переходѣ въ православіе они должны были при нѣкоторыхъ обрядахъ и молитвахъ только отрекаться отъ своихъ отличительныхъ вѣроисповѣдныхъ мнѣній. Однако иностранцы и послѣ этого времени говорятъ по разсматриваемому вопросу тоже самое, что и ихъ предшественники. Для примѣра приводимъ нѣсколько замѣтокъ: „когда кто нибудь, окрещенный по латинской вѣрѣ, переходитъ въ московскую (а это нерѣдко дѣлается лицемѣрами, изъ жадности къ деньгамъ, или военноплѣнными, или изъ страха казни и ссылки за преступленія),—пишетъ Майербергъ, —его, какъ крещеннаго не по церковному обряду, перекрещиваютъ“... (стр. 77—78). „Русскіе къ возобновленію крещенія, говоритъ позднѣе Корбъ, допускаютъ и христіанъ какого бы они ни были вѣроисповѣданія“... (стр. 267). Даже Седербергъ, еще позднѣе Корба, и тотъ находитъ возможнымъ замѣтить,—„такъ какъ русскіе полагаютъ, что всякое крещеніе не по ихъ обряду есть неправильное, то всѣ, переходящіе въ ихъ вѣру, должны снова подвергаться оному, въ какомъ бы возрастѣ они ни были“.... (стр. 30) [1]). Эти извѣстія трехъ послѣднихъ писателей, и особенно первыхъ двухъ изъ нихъ, согласно съ высказаннымъ уже мнѣніемъ г. Рущинскаго, едвали есть основаніе заподозрить въ прав-

---

[1]) Ср. его же стр. 5 и 37. Впрочемъ, есть полное основаніе предполагать, что эта замѣтка оставлена авторомъ подъ вліяніемъ прежнихъ извѣстій иностранцевъ.

дивости [1]). Благодаря долгой практикѣ въ предшествующее время, обычай перекрещиванія обращающихся инославныхъ, очень естественно, не разомъ послѣ собора 1667 г. уничтожился и если не повсемѣстно, то все таки кое гдѣ продолжалъ существовать и послѣ. Этимъ только объясняется тотъ фактъ, что Петръ Великій нашелся вынужденнымъ напомнить о точномъ исполненіи постановленія большаго московскаго собора [2]).

Обращеніе въ православіе взрослыхъ, нужно добавить, по сказаніямъ иностранцевъ, должно быть дѣломъ добровольнымъ. Правда, Олеарій приводитъ фактъ насильственнаго обращенія (стр. 320—323), но тотчасъ же послѣ этого замѣчаетъ: „Вообще же не слышно, чтобы русскіе насильно кого обращали въ свою вѣру и, напротивъ, каждому они представляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные или рабы (стр. 323) [3]).

При крещеніи имѣли мѣсто воспріемники. Относительно числа ихъ большинство иностранцевъ выражаются весьма неопредѣленно и только говорятъ вообще, что ихъ было не одинъ [4]). При этомъ неизвѣстный авторъ XVI в. выражается такимъ образомъ: „можно приглашать сколько угодно крестныхъ отцевъ и матерей. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше“ (стр. 25). Опредѣленныя указанія принадлежатъ только позднѣйшимъ писателямъ—Петрею, Олеарію, Корнилію де Бруину и Седербергу, но они доставляютъ свѣдѣнія о разсматриваемомъ предметѣ неодинаковыя. По Петрею, послѣ рожденія ребенка „родители сейчасъ же посылаютъ за тремя мужчинами и тремя женщинами, которые должны

[1]) См. у Рущинскаго, стр. 226.

[2]) См. ibid.

[3]) Ср. Корбъ, стр. 267.

[4]) Герберштейнъ, стр. 59; А. Гваньино, pag. 20; Фабри, pag. 8; Одерборнъ, pag. 39; неизв. англичанинъ, стр. 25; Ф.-Бухау, стр. 38.

быть кумовьями“... (стр. 425). и такимъ образомъ авторъ признаетъ правиломъ имѣть при крещеніи три пары воспріемниковъ. По Олеарію, для крещенія приглашаются „крестные отецъ и мать, которыхъ должно быть только двое“ (стр. 312). Въ томъ же родѣ и извѣстіе Корнилія де Бруина, когда онъ замѣчаетъ вообще: „для крещенія избираютъ крестныхъ отца и мать“ (стр. 113). Седербергъ же говоритъ такъ: крестныхъ отцовъ приглашаютъ не болѣе двухъ“ (стр. 29) [1]). Многочисленность воспріемниковъ, по показанію перваго, хотя иногда и подтверждается данными русскаго происхожденія [2]), однако несомнѣнно, на практикѣ имѣла весьма рѣдкое приложеніе, а не столь обязательное, какъ это представляетъ Петрей. Что же касается до извѣстія Олеарія, то оно, кажется, сообщаетъ вполнѣ достовѣрное свѣдѣніе.

Воспріемники избирались „по волѣ родителей“ [3]). Кому при такомъ выборѣ отдавалось предпочтеніе, иностранцы не оставили извѣстій. Имѣется только относящаяся сюда замѣтка Олеарія, по поводу рожденія вышеупомянутой царевны Софіи, въ такомъ родѣ: „Патріархъ былъ ея крестнымъ отцемъ (равно какъ всѣхъ дѣтей великаго князя патріархъ бываетъ крестнымъ отцемъ)“ (стр. 54). Седербергъ замѣчаетъ еще, что воспріемники, приглашенные въ первый разъ, „обязаны, пока они живы, крестить всѣхъ въ томъ семействѣ, если бы даже у родителей было десять и болѣе дѣтей“ (стр. 29). На эту замѣтку есть основаніе смотрѣть, какъ на неправильный выводъ изъ только что представленнаго извѣстія Олеарія, изъ сочиненія котораго авторъ весьма усердно черпалъ свѣдѣнія для своего

---

[1]) Не хотѣлъ ли авторъ указать просто на двухъ воспреемниковъ и такимъ образомъ не сообщаетъ ли онъ тоже свѣдѣніе, что и Олеарій?

[2]) См. наше изслѣдованіе, стр. 636—639.

[3]) Герберштейнъ, стр. 59.

сочиненія. Однако при этомъ нельзя упустить изъ вниманія того, что замѣтка Седерберга находитъ себѣ подтвержденіе въ извѣстіяхъ его современника Корнелія де Бруина. Говоря, что для крещенія русскіе избираютъ крестныхъ отца и мать, онъ тотчасъ же добавляетъ: „которыхъ и не перемѣняютъ уже впослѣдствіи“ (стр. 113).

Обязанности воспріемниковъ при крещеніи, по взгляду иностранцевъ, состоятъ въ томъ, что они отъ имени крещаемаго ребенка отвѣчаютъ на вопросы священника [1]). Вообще же „воспріемники призываются какъ свидѣтели этого великаго дѣла (т. е. крещенія), которые, по обѣту, обязуются помнить это таинство, и, когда младенецъ придетъ въ возрастъ, съ заботливостью должны учить его вѣрѣ; пусть они прославляютъ Бога за эту благодать, и молятъ Его, чтобы онъ со дня на день умножалъ сей Божественный даръ вѣры [2])“.

Неизвѣстно, допускались ли въ воспріемники къ русскимъ лица инославныя, но иностранцы говорятъ, что къ самому концу XVII в. русскіе бывали воспріемниками у лицъ инославныхъ исповѣданій Такъ Корбъ передаетъ, что Петръ Великій былъ (въ 1698 г.) воспріемникомъ перворожденнаго сына датскаго посла и далъ ему имя Петръ (стр. 102).

Останавливаемся на самомъ совершеніи крещенія. Свѣдѣнія объ этомъ, по нашимъ источникамъ, относятся и къ XVI и къ XVII в.; для большей ясности дѣла мы представляемъ обзоръ ихъ, раздѣляя другъ отъ друга писателей этихъ двухъ вѣковъ. По извѣстіямъ XVI в. „послѣ рожденія ребенка тотчасъ призываютъ священника, который читаетъ извѣстныя молитвы, стоя предъ дверью комнаты, гдѣ находится родильница и даетъ младенцу имя“ и затѣмъ младенца приносятъ въ

---

[1]) Седербергъ, стр. 29.

[2]) Фабри, pag. 8.

храмъ, гдѣ и совершается самое крещеніе [1]). Единственно подробное и обстоятельное описаніе совершенія самаго священнодѣйствія принадлежитъ перу неизвѣстнаго англичанина, которое мы и приводимъ подлиннымъ текстомъ: „когда идутъ въ церковь, говоритъ онъ, впереди идетъ бабка, неся дитя. Крестные отцы и матери выходятъ на средину церкви, гдѣ приготовленъ небольшой столъ и на немъ глиняный горшокъ съ теплой водой. Около этого стола становятся крестные отцы и матери съ дитятею; прислужникъ даетъ всѣмъ по небольшой зажженной восковой свѣчѣ. Выходитъ священникъ и начинаетъ говорить извѣстныя слова, которыя крестные должны повторять слово въ слово, между прочимъ, что дитя отрекается отъ діавола; какъ только это ими произносится, всѣ должны плевать, и всякій разъ такъ, какъ оно повторяется. Потомъ священникъ благословляетъ воду, которая въ чанѣ, и дуетъ надъ ней, беретъ отъ кумовьевъ свѣчи и, держа ихъ въ одной рукѣ, каплетъ съ нихъ въ воду; затѣмъ возвращаетъ каждому его свѣчу. Освятивъ такимъ образомъ воду, священникъ беретъ дитя и кладетъ его въ небольшомъ чанѣ, а одинъ изъ крестныхъ отцевъ беретъ кувшинъ съ теплою водой и льетъ ее всю на голову дитяти. Затѣмъ священникъ совершаетъ еще много обрядовъ.... (пропускаемъ рѣчь о мvропомазаніи); беретъ дитя на руки, подноситъ къ образамъ св. Николая и Богородицы и, обращаясь къ образамъ, проситъ ихъ взять на себя заботу о ребенкѣ, чтобы онъ жилъ и вѣровалъ, какъ надлежитъ христіанину или христіанкѣ и многое другое. Вернувшись отъ образовъ, онъ беретъ ножницы и стрижетъ въ трехъ или четырехъ мѣстахъ молодые и нѣжные волосы на головѣ дитяти, затѣмъ протягиваетъ дитя, на которое всѣ крестные отцы и матери кладутъ руки; священникъ обязываетъ ихъ воспитать дитя въ вѣрѣ и страхѣ Божіемъ и Христовомъ и научить его чтить и покланяться

[1]) Герберштейнъ, стр. 59; ср. Гваньино, pag. 19—20.

образамъ; этимъ все заканчивается; одинъ изъ крестныхъ отцовъ вѣшаетъ на шею ребенка крестъ, который тотъ долженъ постоянно носить; тѣхъ, кто не имѣетъ на шеѣ креста, русскіе не считаютъ за христіанъ, и о насъ они говорятъ, что мы не христіане, такъ какъ не носимъ, какъ они, крестовъ“ (стр. 25—26).

Извѣстія другихъ иностранцевъ разсматриваемаго времени представляютъ въ этомъ случаѣ только отрывочныя замѣчанія, которыя въ общей ихъ совокупности, однако, даютъ достаточныя свѣдѣнія. По извѣстію Фабри: „прежде чѣмъ начинается крещеніе, читаются многія молитвы и заклинанія священникомъ, родителями, воспріемниками, родственниками, друзьями и наконецъ всякимъ, кто только бываетъ при этомъ случаѣ, чтобы Господь Богъ, по избыточеству своей милости, пребылъ съ отрокомъ во все продолженіе его жизни (pag. 8). Далѣе, отреченіе отъ сатаны, равно какъ и исповѣданіе вѣры, по его извѣстію, совершалось „трижды“ (ibid.). Герберштейнъ же (стр. 60) и затѣмъ Гваньино (pag. 19—20), какъ и въ описаніи неизвѣстнаго англичанина, добавляютъ здѣсь, что воспріемники сколько разъ отрицаются „діавола, повторяя за священникомъ извѣстныя слова, столько же разъ плюютъ на землю“. „По возношеніи къ Богу всѣхъ заклинательныхъ молитвъ, въ церкви ставится купель для крещенія“ [1]). О самомъ же крещеніи они даютъ показанія не согласныя ни между собою, ни съ изложеннымъ нами описаніемъ. Такъ, по Герберштейну, русскіе „крестятъ, трижды погружая всего (крещаемаго) въ воду: иначе они не признали бы его крещеннымъ“ (стр. 59) [2]). „Теплой воды, добавляетъ онъ,—никогда не употребляютъ, развѣ только въ случаѣ больнаго ребенка“. Фабри же говоритъ здѣсь такъ: „по прочтеніи молитвъ и по закли-

[1]) Фабри, pag. 8.

[2]) А Гваньино говоритъ въ данномъ случаѣ просто о погруженіи въ воду (pag. 19—20). Карлейль (стр. 27) при крещеніи считаетъ необходимымъ троекратное погруженіе.

наніи злыхъ духовъ, младенецъ, если онъ крѣпокъ, весь трижды погружается въ воду,—въ противномъ случаѣ обливается водою, однако это послѣднее бываетъ рѣдко, —окропленіе считается менѣе дѣйствительнымъ“ (pag. 8). Совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло Одерборнъ. Сказавъ, что русскіе въ совершеніи крещенія почти совсѣмъ сближаются съ римлянами“, — онъ замѣчаетъ: „послѣ долгихъ церемоній священникъ изъ всей посуды (съ водою) обыкновенно окропаетъ младенца, говоря: „крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа“. Потомъ и воспріемники, по обычаю отцевъ, возливаютъ на нѣжное дитя нѣсколько кружекъ воды. И хотя бы тутъ жестоко свирѣпствовала суровая зима, не смотря на то они все таки обливаютъ ребенка студеною водою. Если бы кто спросилъ о причинѣ такого обычая, ему отвѣтили бы: „многое значитъ привычка съ нѣжнаго возраста“ (pag. 39). Кажется, отчасти согласенъ съ Одерборномъ и Кобенцель, когда говоритъ: „крещеніе... совершается у нихъ (русскихъ) такимъ же образомъ (т. е. какъ на западѣ), исключая только, что у нихъ при этомъ говорится: „крещается младенецъ сей (?) во имя Отца и т. д.“ (стр. 135) [1]. Только ф.-Бухау и Варкочъ, изъ позднѣйшихъ въ XVI в. иностранцевъ, пишутъ согласно съ Герберштейномъ. Первый говоритъ: „священникъ, послѣ заклинанія духовъ и послѣ того, какъ кумовья, плюнувши откажутся отъ діавола и дѣлъ его, затыкаетъ уши и носъ младенца и трижды погружаетъ его въ холодную воду, которую обыкновенно не сохраняютъ для этой потребности, но всегда свѣжую приносятъ изъ сосѣдней рѣки, хотя бы въ серединѣ зимы, и такимъ образомъ присоединяютъ его къ церкви во имя Святой Троицы... Думаютъ, что отъ холода младенцы нисколько не повреждаются, но свыше согрѣваются“ (стр. 38). У Варкоча же имѣется такая замѣтка: „при крещеніи дѣтей три раза погружаютъ

[1]) Герштейнъ повторяетъ Кобенцеля; см. стр. 5.

Библиотека Академии Наук

ихъ въ воду; хотя они (русскіе) и видаютъ, что плѣнные христіане въ краю у нихъ крестятъ дѣтей по нашему обряду, но не считаютъ это крещеніе правильнымъ“ (стр. 34). Воду для крещенія, по сообщенію Гваньино, освящаютъ для каждаго младенца, и тотчасъ послѣ крещенія выливаютъ ее въ яму, нарочито для того приготовленную“ (pag. 13—20). Послѣ принятія таинства, „крещенный младенецъ (какъ новый человѣкъ) повивается новыми и чистыми свивальниками“ [1]). Затѣмъ священникъ обрѣзаетъ ребенку волосы, залѣпляетъ ихъ въ воскъ и кладетъ въ извѣстномъ мѣстѣ въ храмѣ [2]). Послѣ этого „на грудь ребенка надѣваютъ крестъ, который онъ долженъ носить въ продолженіе всей своей жизни, какъ неизгладимый знакъ, что онъ христіанинъ [3]). Одерборнъ еще сообщаетъ (pag. 39), что по совершеніи крещенія „священникъ, взявши опять младенца, ласково его лобзаетъ и съ великою поспѣшностью трижды ударяетъ его головою о крестъ, врѣзанный въ дверяхъ (какихъ?) храма; если свидѣтели крещенія не услышатъ ударенія, то негодуютъ и думаютъ, что младенецъ не освященъ таинствами“. „По окончаніи священнодѣйствія, заключаетъ онъ свое извѣстіе о крещеніи, священнику даютъ три хлѣба (которые, по причинѣ пирамидальной формы, зовутся пирогами — piracno), съ нѣсколькими серебрянными монетами, и храмъ запирается“ (pag. 39). Остальные иностранцы оканчиваютъ свои сообщенія тѣмъ отрицательнымъ извѣстіемъ, что русскими совершенно отвергаются при крещеніи соль и бреніе изъ слюны и пыли,—каковое все употребляется у латинянъ [4]).

[1]) Ф.-Бухау, стр. 38.

[2]) Герберштейнъ, стр. 10. Гваньино, pag. 19—20.

[3]) Ульфельдъ, стр. 49. Маржеретъ въ этомъ случаѣ оставляетъ такую замѣтку: «священникъ послѣ крещенія надѣваетъ на шею младенца крестъ, вручаемый воспріемникомъ, въ знаменіе крещенія. Крестъ носятъ до самой смерти (стр. 259).

[4]) Герберштейнъ, стр. 60; Фабри, pag. 8; Гваньино, pag. 20 и др.

Останавливаясь теперь на всѣхъ представленныхъ данныхъ, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній. — Полное описаніе послѣдованія крещенія, составленное неизвѣстнымъ авторомъ, если не есть результатъ его добросовѣстныхъ и непосредственныхъ наблюденій, то во всякомъ случаѣ почерпнуто имъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Такъ по крайней мѣрѣ даютъ основаніе думать и распорядокъ составныхъ частей акта крещенія въ описаніи автора, не заключающій въ себѣ аномалій, и нѣкоторыя совершенно вѣрно указанныя имъ даже незначительныя частности въ совершеніи крещальнаго послѣдованія.—Сообщаемыя иностранцами частности во многихъ случаяхъ заслуживаютъ вѣроятія, хотя и не всегда. Указаніе, напр., Фабри на чтеніе заклинательныхъ молитвъ и воспріемниками и прочими присутствующими лицами невѣрно. Однако, если принять во вниманіе, что, съ одной стороны, уже около половины XVI в. раздались жалобы на совмѣстное (нѣсколькими лицами) чтеніе при богослуженіи,—а съ другой, древне-русскую практику читать заклинательныя молитвы не однажды [1]), то нельзя ли думать, что авторъ указываетъ на первый неблагочинный обычай? [2]). О троекратномъ отреченіи извѣстіе иностранцевъ справедливо. Роль зажженныхъ свѣчей при освященіи воды, указываемая неизвѣстнымъ авторомъ, не оправдывается русскими данными; однако нельзя при этомъ не припомнить, что и по русскимъ свидѣтельствамъ зажженныя свѣчи и при освященіи воды, хотя въ другихъ случаяхъ и въ другомъ видѣ, имѣли приложеніе. — О троекратномъ погруженіи при совершеніи крещенія, конечно, нечего много говорить. Что же касается до погружательно-

[1]) См. наше изслѣдованіе, стр. 187.

[2]) Вѣрнѣе же думать, что Фабри подъ чтеніемъ заклинательныхъ молитвъ разумѣетъ весь актъ оглашенія, въ которомъ воспріемники (а въ древности еще «баба», приносившая къ крещенію младенца) имѣютъ активное участіе.

обливательной формы крещенія, указываемой неизвѣстнымъ авторомъ, то она имѣла мѣсто въ древне-русской крещальной практикѣ, и если не всегда, то въ извѣстныхъ случаяхъ рекомендовалась старымъ требникомъ [1]). И чисто обливательная форма, наконецъ, также имѣла мѣсто въ древне-русской практикѣ, конечно, не съ тѣмъ неограниченнымъ и, такъ сказать, обязательнымъ приложеніемъ къ дѣлу, какъ это представляютъ иностранцы, но по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ [2]). Указаніе иностранцевъ на употребленіе воды при крещеніи, — то теплой, то холодной, — въ томъ и другомъ случаѣ достовѣрно. Въ первомъ оно согласно съ требованіемъ русскихъ постановленій о крещеніи,—а во второмъ основывается на дѣйствительной практикѣ [3]). Прикладываніе младенца къ образамъ, бывшее, по сказаніямъ иностранцевъ, по совершеніи крещенія, указываетъ на образъ совершенія въ древне-русской практикѣ воцерковленія [4]); на это же, кажется, указываетъ и Одерборнъ (только въ искаженномъ видѣ), когда говоритъ о поднесеніи младенца ко кресту, изображенному на церковныхъ дверяхъ. Въ русскихъ памятникахъ мы не находимъ указанія на то, чтобы воспріемники клали руки на крещеннаго уже младенца, — тѣмъ не менѣе это указаніе напоминаетъ собою обычай древне-русской практики, чтобы воспріемники сами брали на руки младенца, положеннаго священникомъ послѣ воцерковленія на полъ. Что касается до того, будто бы крестъ на новокрещеннаго возлагалъ крестный отецъ, то этого не оправдываютъ русскіе памятники чина крещенія.

За XVII вѣкъ самыя подробныя свѣдѣнія о совершеніи крещенія заключаются въ сочиненіяхъ Петрея,

---

[1]) Смотр. наше изслѣдованіе, стр. 317—321.

[2]) См. ibid., стр. 310—317.

[3]) См. ibid., стр. 245—247.

[4]) См. ibid., стр. 475—498.

Олеарія и Седерберга. У каждаго изъ нихъ замѣчается попытка изложить совершеніе разсматриваемаго священнодѣйствія въ цѣломъ его видѣ. Къ сожалѣнію, въ данныхъ, сообщаемыхъ ими здѣсь, авторы весьма мало различаются другъ отъ друга. Послѣднее объясняется очень просто, и именно тѣмъ, что Седербергъ составилъ (въ этомъ случаѣ) свое описаніе на основаніи труда Олеарія, а этотъ въ томъ же самомъ весьма много позаимствовалъ у его предшественника, Петрея. Кромѣ того сообщаемыя всѣми этими тремя лицами свѣдѣнія далеко не могутъ по своему достоинству равняться съ свѣдѣніями, оставленными неизвѣстнымъ авторомъ XVI в. Правда, они болѣе подробны, порою доходятъ до мельчайшихъ частностей,—но за то представляютъ дѣло въ болѣе спутанномъ изложеніи и съ грубыми ошибочными извѣстіями. Въ цѣломъ эти данныя излагаютъ намъ совершеніе крещенія въ слѣдующемъ видѣ.

„Новорожденнаго младенца считаютъ необходимымъ тотчасъ же... крестить для омытія всѣхъ грѣховъ его таинствомъ крещенія“. Прежде всего съ нимъ „поступаютъ слѣдующимъ образомъ: только что онъ родится, приводятъ священника, который читаетъ сперва какія то молитвы предъ домомъ, гдѣ находится родильница [1]), нѣсколько разъ опускаетъ внизъ голову, велитъ родителямъ (?) отнести въ церковь и крестить младенца, и потомъ идетъ своей дорогой, пожелавъ родильницѣ здоровья, съ обыкновенными у нихъ обрядами [2])... Если дитя здорово, кумовья относятъ его

[1]) Ближе къ XVIII в. Корнилій де Бруинъ обстоятельнѣе описываетъ этотъ актъ, когда говоритъ: «какъ только родится у кого дитя, тотчасъ посылаютъ за священникомъ, чтобы отправилъ молитву очищенія. Но очищеніе это простирается также и на всѣхъ, присутствующихъ при молитвѣ, у которыхъ священникъ спрашиваетъ имена и которыхъ благословляетъ. Къ новорожденному, добавляетъ онъ, никого не впускаютъ, прежде священника (стр. 113).

[2]) Любопытно извѣстіе иностранцевъ о чисто бытовомъ обычаѣ при родинахъ. «Знатные, пишетъ Седербергъ, всегда увѣдом-

въ церковь, при чемъ священникъ долженъ встрѣтить ихъ у церковныхъ дверей, благословить и перекрестить ихъ пальцами съ головы, произнося слѣдующія слова: „Да сохранитъ Богъ входъ и исходъ вашъ отнынѣ и до вѣка. Аминь“. — Такъ пишетъ Петрей (425). У Олеарія же относительно послѣдняго дѣйствія говорится нѣсколько иначе: „Священникъ, по его извѣстію, встрѣчаетъ ихъ (кумовьевъ) еще за дверьми церкви, креститъ имъ чело перстами и благословляетъ ихъ такими словами: „Да сохранитъ Господь Богъ вхожденіе и исхожденіе твое отнынѣ и до вѣка“! (стр. 312). Петрей далѣе продолжаетъ: „Такъ и войдутъ кумовья съ младенцемъ, а тамъ стоитъ по срединѣ пола налитая водою купель; возлѣ нея дожидается священникъ и беретъ отъ кумовьевъ 9-ть восковыхъ свѣчъ (которыя они должны держать въ рукахъ); эти свѣчи онъ прикрѣпляетъ крестообразно къ купели, зажигаетъ и говоритъ кумовьямъ, чтобы они три раза обошли за нимъ кругомъ купели по солнцу. Онъ кадитъ крестообразно купель миррою и ладономъ, также и кумовьевъ. Послѣ того подходитъ къ олтарю, беретъ образъ святаго Іоанна, распятіе, сдѣланное изъ золота, серебра, мѣди, или олова, также муро, соль и маленькія ножницы, и,

ляютъ высшихъ военныхъ чиновъ, министровъ, купцовъ и др., когда ихъ жены родятъ, и тогда тѣ спѣшатъ съ посѣщеніемъ, цѣлуютъ родильницу и кладутъ къ ней въ постель 1, 2, 3, 4 или болѣе червонцевъ съ запискою о своемъ имени, цѣлуютъ ее потомъ въ другой разъ и уходятъ. Чѣмъ знатнѣе отецъ новорожденнаго, тѣмъ большимъ знакомъ дружбы онъ за это награждаетъ, и кто таровитѣе, тотъ цѣнится болѣе» (стр. 28—29). Обычай этотъ былъ давнимъ, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа Майерберга: «при разрѣшеніи отъ бремени жены, князь Петръ Долгорукій (смоленскій, областной воевода), соблюдая отеческій законъ, увѣдомилъ, чрезъ разныхъ гонцовъ, всѣхъ городскихъ бояръ изъ своего рода о благополучномъ разрѣшеніи жены. По обыкновенію, тотчасъ же всѣ сошлись къ ней... Обычай требовалъ, чтобы всѣ подносили какой либо подарокъ родильницѣ... Князь Одоевскій подарилъ ей одинъ золотой, а товарищъ его (Алмазъ Ивановъ)— 30 серебряныхъ копѣекъ»... (стр. 90—91).

возвратившись опять къ купели, отдаетъ образъ пономарю: тотъ идетъ съ образомъ впереди, а священникъ и кумовья съ ребенкомъ за нимъ, и обходятъ три раза купель съ горящими свѣчами въ рукахъ; послѣ того священникъ начинаетъ читать и освящать воду, беретъ шесть восковыхъ свѣчъ, прилѣпленныхъ крестообразно кругомъ купели, и кадитъ ее миррою и ладаномъ. Кадитъ также и образъ, крестъ, муро—все по три раза и крестообразно“ (стр. 425—426). [1]).

Послѣ освященія воды, — какъ продолжаетъ Петрей, — священникъ спрашиваетъ: „желаетъ ли дитя быть крещеннымъ? кумовья отвѣчаютъ: „да“! [2]). „Назовите младенца“! говоритъ священникъ; кумовья подаютъ ему записку, на которой написано, какое имя желаютъ дать младенцу. Священникъ даетъ ему имя и кладетъ записку на образъ, а образъ на грудь младенца, и опять спрашиваетъ: „какъ назвать младенца“? кумовья отвѣчаютъ, какъ назвалъ его прежде священникъ и какъ написано въ запискѣ. Тогда священникъ кладетъ руки на голову младенца, читаетъ „Отче нашъ“, нѣкоторыя молитвы, и опять спрашиваетъ: „какое дать имя младенцу? кумовья отвѣчаютъ по прежнему [3]). Священникъ

---

[1]) Компиляторъ Петрея Олеарій въ данномъ случаѣ въ существѣ дѣла сообщаетъ тоже самое, только освященіе воды поставляетъ прежде хожденія вокругъ купели и излагаетъ все это короче (стр. 312).

[2]) У Олеарія нѣтъ.

[3]) Олеарій это все излагаетъ короче, именно: «священникъ спрашиваетъ, какое имя должно быть дано новорожденному? Въ отвѣтъ на это имя дитяти, означенное въ запискѣ, подается священнику, который кладетъ записку на писанную икону, держитъ эту икону надъ грудью дитяти и произноситъ молитву» (стр. 312). Седербергъ же просто замѣчаетъ: «имя же ребенку даетъ (священникъ) тотчасъ (предъ самымъ погруженіемъ) по просьбѣ крестныхъ отцевъ» (стр. 29). Ближе къ правдѣ, чѣмъ тотъ и другой, оставляетъ извѣстіе по поводу нареченія имени Корнилій де Бруинъ. Говоря, что до прибытія священника къ новорожденному никого не впускаютъ, онъ тотчасъ же продолжаетъ: «по прибытіи свя-

дѣлаетъ вопросъ: вѣруетъ ли младенецъ въ Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святаго [1])? „Да“! отвѣчаютъ кумовья. Тогда священникъ и кумовья съ младенцемъ поворачиваются спиною къ купели; священникъ спрашиваетъ: „отрекается ли дитя отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его, всѣхъ его ангеловъ, всякихъ другихъ языческихъ и еретическихъ вѣръ въ продолженіе всей своей жизни“ [2])? „Да“! говорятъ кумовья, и плюютъ съ большимъ отвращеніемъ на полъ при всякомъ словѣ священника [3]). Послѣ того опять оборачиваются лицомъ къ купели, священникъ кладетъ руку на младенца и говоритъ: „выйди нечистый духъ изъ этого младенца и уступи мѣсто Духу Святому“! и съ этими словами дуетъ три раза на младенца крестообразно [4]), креститъ его рукою, беретъ маленькія ножницы, которыя принесъ съ собою, остригаетъ у него волосы на головѣ,

щенника дается новорожденному имя, по имени того святаго, память котораго празднуется за (?) 8 дней до рожденія, или чрезъ 8 дней по рожденіи дитяти». При этомъ онъ дѣлаетъ еще весьма странное добавленіе въ такомъ родѣ: «въ тоже время ребенка причащаютъ св. таинъ по ихъ обыкновенію, еще прежде крещенія его, что въ особенности дѣлается у людей зажиточныхъ» (стр. 113).

[1]) У Олеарія (стр. 312) слово «Бога» употреблено только одинъ разъ.

[2]) Здѣсь формула отреченія излагается нѣсколько короче, именно: отрекается ли дитя сатаны, всѣхъ его ангеловъ и дѣлъ, и желаетъ ли оно во всю свою жизнь пребывать въ чистой Христовой вѣрѣ?

[3]) По Олеарію (стр. 313) дѣлать плюновеніе долженъ и священникъ; а по замѣчанію Седерберга, воспріемники «отплевываются съ такою ревностію, какъ будто на него самого (діавола) плюютъ» (стр. 29).

[4]) Олеарій добавляетъ здѣсь: «въ настоящее время, какъ увѣряли меня, заклятіе и изгнаніе сатаны изъ крещаемаго совершается уже предъ дверями церкви, для того, чтобы церковь не могла осквернится нечистымъ духомъ (стр. 313). Седербергъ перефразируетъ это мѣсто Олеарія съ тѣмъ только добавленіемъ, что (русскіе) «думаютъ, что діаволъ на самомъ дѣлѣ присутствуетъ въ тѣлѣ ребенка до его крещенія» (стр. 29).

тоже крестообразно, кладетъ на книгу, сминаетъ въ кусочкѣ воска и прячетъ въ особенномъ мѣстѣ въ церкви [1]); потомъ беретъ образъ съ младенца, отдаетъ его держать пономарю, и опять спрашиваетъ: „хочетъ ли быть крещеннымъ младенецъ? „Да“, отвѣчаютъ ему. „Если желаешь ты быть крещеннымъ, говоритъ священникъ, такъ снимите съ него одежду и подайте его мнѣ [2]); кумовья раздѣваютъ его и подаютъ нагаго священнику, который три раза погружаетъ его всѣмъ тѣломъ въ купель и говоритъ: „крещу тебя во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго“ [3]). Впрочемъ священникъ наблюдаетъ, чтобы немного рта и носа у младенца оставалось надъ водою, дабы ему свободно было дышать и не попало воды. Если младенецъ окрещенъ будетъ какъ нибудь иначе, русскіе думаютъ, что онъ крещенъ неправильно и, слѣдовательно, первобытный грѣхъ не такъ чисто омытъ съ него, чтобы, какъ новый человѣкъ, онъ могъ посѣщать церковь Божію (стр. 426—427) [4]).

Когда такимъ образомъ окрестятъ младенца, заканчиваетъ описаніе чина крещенія Петрей, священникъ беретъ и кладетъ ему въ ротъ немного соли, креститъ и... (рѣчь о муропомазаніи). Потомъ беретъ чистую бѣлую одежду, надѣваетъ ее на младенца и говоритъ: „какъ чиста эта одежда, которую я надѣваю на тебя теперь, такъ же чистъ и свободенъ ты сталъ отъ всѣхъ

---

[1]) Олеарій упоминаетъ только, что срѣзанные волосы закладываются въ книгу (стр. 313), а Седербергъ говоритъ только про остальное (стр. 29).

[2]) У Олеарія послѣдняго обращенія нѣтъ.

[3]) Тотъ же авторъ пишетъ правильнѣе: «беретъ отъ воспріемниковъ нагое дитя въ обѣ руки, трижды погружаетъ его вполнѣ въ воду, произнося: «Крещается (такой-то) во имя Бога Отца, Сына и Духа Святаго» (стр. 313); ср. Маржеретъ, стр. 259; Корбъ, стр 266—267; Седербергъ, стр. 29.

[4]) Ни того, ни другаго замѣчанія у Олеарія нѣтъ.

грѣховъ“ [1]), послѣ того читаетъ какія то молитвы, даетъ благословеніе кумамъ и кумовьямъ, креститъ и кадитъ ихъ, ласкаетъ и цѣлуетъ дитя, также кумовьевъ и кумъ [2]), а въ знакъ того, что ребенокъ крещенъ, навѣшиваетъ ему на голую шею крестикъ золотой, серебряный, мѣдный, или изъ другаго металла [3]), кромѣ того даетъ ему образъ, который долженъ быть защитникомъ и покровителемъ младенца [4]), велитъ кумовьямъ и кумамъ поцѣловаться и запрещаетъ имъ вступать между собою въ бракъ [5]): такъ они и расходятся, и кумовья съ кумами относятъ младенца домой къ матери“ (стр. 427) [6]).

[1]) Олеарій эти слова передаетъ такъ: «теперь ты также чисто и бѣло измылся отъ грѣха первороднаго!» (стр. 313), а у Седерберга: «такимъ образомъ совершилось надъ тобою омовеніе и очищеніе отъ смертнаго грѣха!» (стр. 29).

[2]) Всего этого у Олеарія нѣтъ.

[3]) Олеарій добавляетъ: «и крестикъ этотъ новорожденный долженъ носить потомъ на шеѣ во всю свою жизнь, какъ доказательство того, что онъ христіанинъ, такъ что, если, напримѣръ, найдутъ кого на улицѣ мертвымъ и на шеѣ у него не окажется креста этого, то такого не хоронятъ» (стр. 313); ср. Седербергъ, стр. 29.

[4]) Онъ же говоритъ здѣсь такъ: «здѣсь же (послѣ надѣванія креста) священникъ назначаетъ новорожденному святаго, именемъ котораго названо дитя, и даетъ ему образъ этого святаго. Образъ этотъ новокрещенный долженъ сохранять потомъ у себя во всю свою жизнь и чествовать его предпочтительно предъ другими иконами» (стр. 313); ср. Седербергъ (стр. 29); Майербергъ, стр. 50.

[5]) По Олеарію: «Увѣщеваетъ воспріемниковъ быть для дитяти истинными родителями и отнюдь не вступать другъ съ другомъ въ бракъ, что у русскихъ строго воспрещается» (стр. 314). Седербергъ добавляетъ къ этому: «Затѣмъ въ головахъ новорожденнаго, священникъ дѣлаетъ крестъ на дверяхъ, по которымъ онъ трижды ударяетъ молоткомъ, такъ что всѣ свидѣтели крещенія слышатъ удары; ибо безъ нихъ могли бы усумниться въ совершеніи крещенія» (стр. 29—30).

[6]) Заключая изложеніе совершенія крещенія по указаннымъ тремъ авторамъ, нельзя не отмѣтить того, что далеко позднѣе, именно въ концѣ первой четверти XVIII в., Бергхольцъ описывая

Описывая въ такихъ подробныхъ чертахъ чинъ крещенія собственно младенцевъ, какъ Петрей, такъ и Олеарій и Седербергъ, кромѣ того отдѣльно трактуютъ о крещеніи взрослыхъ. Послѣднее, по сообщенію этихъ писателей, въ своей сущности не представляетъ что-либо отличное отъ перваго, тѣмъ не менѣе совершеніе его сопровождается нѣкоторыми особенностями. Такъ, по болѣе подробному извѣстію того же Петрея, взрослаго, обращающагося къ православной вѣрѣ, послѣ оглашенія въ истинахъ послѣдней, говѣнія и отреченія отъ прежней вѣры — „ведутъ на воду и трижды погружаютъ въ нее всѣмъ тѣломъ, будетъ ли это зимой или лѣтомъ. Русскіе говорятъ, что какъ Іоаннъ крестилъ въ рѣкѣ Іорданѣ, такъ же должны креститься и язычники, или еретики, омыть свои грѣхи и беззаконія и сдѣлаться христіанами. Потомъ надѣваютъ на новокрещеннаго чистую и тонкую одежду, даютъ ему другое имя и называютъ вмѣсто Георгія — Иваномъ, или Васильемъ. Если это будетъ зимою, прорубаютъ по льду четверо-угольное отверстіе, раздѣваютъ обращеннаго до-нага и опускаютъ его три раза въ воду такъ, чтобы онъ ушелъ въ нее съ головой и ушами. Но сначала монахи кадятъ и крестятъ это отверстіе со всѣми обрядами, употребительными при крещеніи младенцевъ“.... (стр. 408) [1]. Седербергъ также трактуетъ, что крещеніе возрастныхъ совершается въ рѣкѣ, но добавляетъ при этомъ, что такое крещеніе „происходитъ по большей части лѣтомъ“. Если же случится это зимой и если желающій въ данномъ случаѣ креститься не настолько здоровъ, чтобы перенести крещеніе прямо на рѣкѣ, то „на его голову выливаютъ три бочки воды, что равно тому, какъ будто его три раза погрузили“ (стр. 30).

совершеніе акта крещенія, при которомъ онъ былъ воспріемникомъ, излагаетъ его, хотя и короче, но вообще въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, какъ эти авторы (см. его Дневникъ II, 209—211).

[1]) Олеарій (стр. 314) говоритъ въ данномъ случаѣ совершенно тоже, только въ сокращенномъ изложеніи.

Помимо этого, указываемые иностранцы оставили еще нѣкоторыя замѣчанія, относящіяся вообще къ крещальной практикѣ. Такъ, по ихъ извѣстію, „если въ одно время принесутъ крестить двухъ, или болѣе, хотя бы сотню дѣтей, то для каждаго въ купель наливается снова свѣжая вода; вода же, однажды для крещенія употребленная, такъ какъ въ ней омыта нечистота первороднаго грѣха, выливается въ особое мѣсто, и никто не долженъ болѣе осквернятся ею. Ибо русскіе думаютъ, что водою въ крещеніи совершается не только духовное, но и тѣлесное омовеніе отъ грѣховъ и нечистоты душевной“ [1]). Далѣе, по извѣстію Петрея, русскіе для крещенія „никогда не употребляютъ теплую воду, какъ-бы ни было холодно, если только дитя не очень слабо и болѣзненно“ (стр. 426); по Олеарію же „хотя русскіе воду для крещенія никогда не подогрѣваютъ, посредствомъ огня, но зимою они нѣсколько согрѣваютъ ее, ставя на нѣкоторое время въ тепломъ мѣстѣ“ (стр. 314). Седербергъ къ своему описанію совершенія крещенія добавляетъ еще: „крещеніе дѣтей знатныхъ происходитъ точно такимъ же образомъ, просто и безъ всякаго великолѣпія, по примѣру Христа“ (стр. 30).

Замѣтки другихъ иностранцевъ XVII в. по разсматриваемому предмету очень немногочисленны, да и изъ оставшихся находимъ любопытными только три— касающіяся имени, креста и воцерковленія. Къ первому относится слѣдующее извѣстіе Майерберга: „многіе изъ москвитянъ называются не такимъ именемъ, какое наречено кому нибудь изъ нихъ при крещеніи, но другимъ, которое даютъ имъ родители, скрывая прежнее, изъ опасенія, чтобы послѣ огласки его, не употребляли онаго во зло колдуньи для какого нибудь злаго дѣла къ пагубѣ называемаго. Такъ родные братья Юрій и

[1]) Текстъ изъ сочиненія Олеарія (стр. 14). Петрей только добавляетъ къ этому, что «особое мѣсто», куда выливается вода послѣ крещенія, находится «на церковномъ дворѣ» (стр. 427).

Петръ Долгорукіе, такъ канцлеръ Алмазъ въ крещеніи названы были не Юріемъ, Петромъ, Алмазомъ, а Савономъ (Софроніи?), Киромъ и Іероѳеемъ" (стр. 186). „Крестъ, по замѣчанію Маржерета, надѣвается въ знаменіе крещенія" (стр. 259), а Майербергъ къ выше представленнымъ о немъ извѣстіямъ добавляетъ еще, что крещенный „не долженъ снимать этотъ крестъ во все продолженіе жизни, развѣ только предъ супружеской обязанностію" (стр. 78). Къ акту воцерковленія, собственно къ принятію родильницею такъ называемой „сороковой молитвы", относится замѣтка Корнилія де Бруина:—„при рожденіи мальчика мать беретъ очистительную молитву чрезъ пять недѣль, для чего она отправляется въ церковь; а при рожденіи дѣвочки черезъ 6 недѣль" (стр. 113).

Считаемъ излишнимъ входить въ подробную и обстоятельную оцѣнку всѣхъ представленныхъ свѣдѣній касательно собственно совершенія крещенія за XVII вѣкъ. Останавливаемъ вниманіе только на нѣкоторыхъ болѣе любопытныхъ сообщеніяхъ иностранцевъ этого времени. Сообщеніе Корнилія де Бруина, что чтеніе молитвы очищенія родильницѣ преслѣдовало туже цѣль и въ отношеніи къ другимъ присутствовавшимъ здѣсь лицамъ, едвали есть плодъ произвольнаго воображенія автора, если принять во вниманіе, что въ древнихъ требникахъ имѣлось не мало очистительныхъ молитвъ, пріуроченныхъ къ моменту рожденія [1]); при этомъ, впрочемъ, нельзя отрицать, что чтеніе этихъ молитвъ ко времени автора, повидимому, должно бы быть упразднено. Нареченіе имени *при совершеніи самаго крещенія*, хотя и не въ томъ мѣстѣ и не съ той долгой и сложной процедурой, какъ это трактуется иностранцами, несомнѣнно оправдывалось практикою того времени. Что касается до извѣстія Майерберга, что имя, полученное русскими

[1]) См. Богослуж. въ русск. церкви въ XVI в. А. Дмитріевскаго (Казань 1884 г.), стр. 241—256; наше изслѣдованіе стр. 134—135.

при крещеніи, тщательно скрывалось ими, и они для другихъ лицъ извѣстны были подъ другимъ именемъ, то этотъ фактъ, какъ уже изслѣдовано, не подлежитъ сомнѣнію [1]). Назначеніе новокрещенному, по совершеніи надъ нимъ таинства, извѣстнаго образа, какъ это доводятъ до нашего свѣдѣнія иностранцы не только XVII в., но даже и XVIII (напр. Бергхольцъ), не оправдывается литургическими данными собственно русскаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе, руководясь настойчивыми заявленіями иностранцевъ, что русскіе питаютъ глубокую привязанность къ иконамъ, что у каждаго изъ нихъ есть своя особенно чтимая икона и что безъ иконы у русскихъ не совершался ни одинъ церковный обрядъ [2])—можно согласиться, что на практикѣ такъ и было, какъ въ данномъ случаѣ трактуютъ иностранцы. Крещеніе взрослыхъ въ рѣкѣ, не смотря даже на время года, находитъ для себя подтвержденіе въ сказаніяхъ же иностранцевъ, когда они нерѣдко упоминаютъ о множествѣ купающихся въ рѣкѣ при совершеніи крещенскаго водосвященія. Различіе въ срокѣ принятія родильницею очистительной (сороковой) молитвы, смотря по полу новорожденнаго, какъ не имѣетъ за себя чисто русскихъ данныхъ, такъ, нужно думать, едвали было и на практикѣ.

Сравнивая теперь свѣдѣнія по разсматриваемому предмету иностранцевъ XVI и XVII в., мы должны отдать предпочтеніе первымъ. Правда, извѣстія, оставленныя ими, болѣе кратки, но зато они въ большинствѣ достовѣрны. Что же касается до писателей XVII в., то достойная уваженія попытка ихъ изложить обряды крещенія въ полномъ ихъ порядкѣ и составѣ привела къ невыгоднымъ для нихъ результатамъ. Знакомясь, при такомъ желаніи, съ наблюдаемымъ предметомъ иногда по единичнымъ фактамъ (какъ въ XVIII в.

---

[1]) См. наше изслѣдованіе, стр. 146—150.

[2]) См. Правосл. Собес. 1887 г. февраль, стр. 220—223.

Берхгольцъ) и вообще не обстоятельно, они перепутали послѣдовательность актовъ русскаго крещальнаго чина, представили нѣкоторые изъ нихъ совершенно въ другомъ видѣ, и именно въ формѣ совершенія близкой къ тому, какъ это было и есть на западѣ (нареченіе имени), и вмѣстѣ съ тѣмъ даже привнесли въ русскій чинъ крещенія обряды, практикуемые только въ западной церкви (напр. вкушеніе соли).

Оставляя свѣдѣніе о крещеніи, совершеніе котораго находится въ тѣсной связи съ совершеніемъ мѵропомазанія, иностранцы естественно заводятъ рѣчь и о послѣднемъ священнодѣйствіи. Вслѣдствіе простоты и несложности обрядовой стороны этого таинства, извѣстія ихъ по данному предмету ограничиваются весьма краткими замѣтками. Какъ и въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, дѣло иногда не обходится безъ курьезныхъ сообщеній поверхностныхъ наблюдателей русской церковной обрядности. Такъ, напр., Гваньино оставляетъ такую общую замѣтку: „таинства конфирмаціи или мѵропомазанія (русскіе) отвращаются и на томъ основаніи считаютъ его не важнымъ и достойнымъ даже осужденія, что почти на всѣхъ соборахъ, особенно же на никейскомъ, сказано: исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ... (pag. 20). И такое извѣстіе даже находитъ для себя повтореніе у Даніила ф.-Бухау, который въ своихъ главныхъ статьяхъ заблужденій русской вѣры между прочимъ приводитъ и такую (14): „русскіе совсѣмъ не совершаютъ таинства конфирмаціи (confirmationis) и не употребляютъ его“... (стр. 44—45). Единственно, что можетъ въ данномъ случаѣ служить къ оправданію иностранцевъ, такъ это развѣ то, что они, высказывая подобныя сужденія, кажется, имѣли въ виду конфирмацію исключительно въ смыслѣ ея совершенія на Западѣ. По крайней мѣрѣ, такъ можно думать относительно Гваньино, который къ приведеннымъ строкамъ добавляетъ далѣе: „когда же одно крещеніе, то, говорятъ (русскіе), одно и помазаніе, одна и таже сила священника и епископа по тому и другому таин-

ству“ (pag. 20) [1]. Не менѣе любопытна со стороны курьеза такая же общая замѣтка и другаго автора, Фабри, — человѣка, повидимому, съ симпатіею къ русской обрядности. „Когда младенецъ, говоритъ онъ, достигнетъ болѣе или менѣе совершеннаго возраста, такъ что можетъ дать свидѣтельство своей христіанской вѣры, тогда онъ приводится къ епископу, чтобы воспринять таинство конфирмаціи сей вѣры, что выражается крестообразнымъ помазаніемъ на челѣ. Совершеніе этого таинства, добавляетъ онъ, болѣе никому не дозволено, кромѣ епископовъ, на извѣстномъ всякому вѣрующему основаніи“ (pag. 9). Выше онъ даже трактуетъ (хотя и коротко) о самомъ образѣ совершенія у насъ мѵропомазанія епископомъ, именно, —„на обязанности епископа, говоритъ онъ, лежитъ, чтобы послѣ того, какъ крещенный сдѣлается возрастнымъ и представитъ свидѣтельство исповѣдуемой имъ вѣры, онъ, при возложеніи своихъ рукъ и знаменіи крестномъ, помазалъ его на челѣ мѵромъ“ (pag. 6). Авторъ, очевидно, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія того, о чемъ онъ говорилъ. Но при этомъ странно еще и то, — чѣмъ Фабри могъ руководиться, такъ положительно сообщая свои извѣстія?

Изъ другихъ, болѣе частныхъ, но болѣе правдивыхъ замѣтокъ мы узнаемъ слѣдующее. Для совершенія таинства мѵропомазанія употреблялось особое мѵро; совершителями этого мѵра были епископы. Любопытная, по своей запутанности, замѣтка объ этомъ имѣется у того же Фабри. „Епископы, пишетъ онъ, на тайной вечери составляютъ и освящаютъ хрисму и масло, которыя потомъ употребляются въ крещеніи, мѵропомазаніи и елеосвященіи“ (pag. 1). Есть, впрочемъ, иностранцы, которые говорятъ, что собственно русскіе

[1] Такое объясненіе касательно цитуемаго автора тѣмъ болѣе вѣроятно, что немного выше, трактуя въ своихъ замѣткахъ о совершеніи русскими крещенія, онъ говоритъ и о мѵропомазаніи. Очевидно, наблюдая въ послѣднемъ случаѣ обрядовую сторону дѣла, Гванькино не понималъ ея внутренняго значенія.

епископы не совершали муро. Таковъ напр. Даніилъ ф.-Бухау. Въ 12-й статьѣ излагаемыхъ имъ заблужденій русской вѣры мы читаемъ: „(русскіе) учатъ, что изъ епископовъ никто не имѣетъ власти освящать муро (chrysma), кромѣ константинопольскаго патріарха. А то, которое имъ приготовлено, можетъ сохраняться на многія лѣта“ (стр. 44). Такое извѣстіе, замѣтимъ, имѣло бы долю вѣроятія, если бы это было вѣка на два ранѣе [1]). Временемъ для освященія мура по Герберштейну (стр. 59) и Петрею (стр. 459) вообще служила страстная недѣля, а по болѣе частному, но неправильному указанію Гваньино — шестой день этой седьмицы (pag. 19—20) [2]).

Муропомазуемыми лицами были младенцы, но кромѣ нихъ бывали и возрастные. Къ числу послѣднихъ въ XVII в., по сказаніямъ иностранцевъ, относились между прочимъ католики, обращавшіеся въ православіе. „Окрещеннаго по православному обряду католика, замѣчаетъ Майербергъ, (русскіе) тотчасъ же помазываютъ муромъ, не ставя ни во что латинское помазаніе, какъ ненужное“ (стр. 78).

Связь совершенія муропомазанія съ совершеніемъ крещенія, во всѣхъ замѣткахъ (кромѣ одной, уже представленной) согласно признается иностранцами, и, мало того, болѣе понимающими изъ нихъ даже особенно отмѣчается, какъ важный пунктъ различія между западною и русскою обрядностію [3]). Ставя совершеніе крещенія и муропомазанія у русскихъ въ тѣсную связь, иностранцы послѣдовательность въ ихъ совершеніи представляютъ обыкновенно такъ, что за совершеніемъ собственно крещенія, т. е. погруженія, тотчасъ же, безъ всякихъ посредствующихъ обрядовъ, слѣдовало совер-

---

[1]) См. наше изслѣдов. стр. 392.

[2]) Первый называетъ эту недѣлю великою, а послѣдніе два — вообще недѣлею предъ пасхою.

[3]) Седербергъ, стр. 6.

шеніе мvропомазанія [1]). Помазаніе совершалось крестообразно [2]). Орудіемъ помазанія, по сообщенію неизвѣстнаго англичанина, служила особая кисточка (стр. 26). Помазуемыми частями, по описанію того же автора, служили: уши, глаза, спина, голова и грудь ребенку (ibid.); по Петрею же—грудь, лицо, спина и руки съ наружной и внутренней стороны (стр. 427). Олеарій (стр. 313) и за нимъ Седербергъ (стр. 29) перечисляютъ тѣже части, что и Петрей, но только вмѣсто лица вообще, — указываютъ „чело“. Такое разногласіе въ послѣднихъ показаніяхъ, нужно замѣтить, оправдывается чисто русскими данными соотвѣтствующаго времени.

Совершеніе исповѣди въ извѣстной мѣрѣ было доступно наблюденіямъ иностранцевъ. Общія извѣстія ихъ о воззрѣніи русскихъ касательно этого таинства не одинаковы. Фабри, напр., правильно замѣчаетъ вообще, что „москвитяне принимаютъ таинство покаянія совершенно согласно съ ученіемъ православно-каѳолической церкви“ (pag. 9—10). Позднѣе Петрей, раскрывая предъидущую мысль, также правильно пишетъ: „(русскіе) полагаютъ, что тѣ, которые каются въ своихъ грѣхахъ, говѣютъ, ходятъ на исповѣдь, — получаютъ вѣчное блаженство“. Вслѣдъ за нимъ Олеарій въ болѣе частныхъ чертахъ и болѣе положительно говоритъ: „исповѣдь русскіе считаютъ дѣломъ необходимымъ для обращенія и примиренія своего съ Богомъ, и взрослые и пришедшіе уже въ разумъ люди неопустительно должны отправлять ее предъ таинствомъ причащенія“ (стр. 358). На ряду съ этимъ, нѣкоторыми иностранцами оставлены замѣтки и совершенно другаго, страннаго характера. Такъ, еще Герберштейнъ такою фразою начинаетъ свои сообщенія объ исповѣди: „хотя по уставу у нихъ (русскихъ) есть исповѣдь, но простой

[1]) Герберштейнъ, стр. 59; Гваньино, 13—20, неизвѣстный Англичанинъ, стр. 26; Петрей, стр. 427; Олеарій, стр. 313, Седербергъ, стр. 26.

[2]) Неизв. Англичанинъ, Петрей, Олеарій и Седербергъ.

народъ считаетъ ее дѣломъ князей и обязанностью благородныхъ господъ и знатныхъ людей по преимуществу". (стр. 62). Тотъ же Петрей немного ниже приведеннаго нами его разсужденія и совершенно въ противоположность послѣднему замѣчаетъ аналогично съ Герберштейномъ: „объ исповѣди и разрѣшеніи русскіе такого мнѣнія, что бѣдные и несчастные не имѣютъ въ ней надобности, а одни только богатые, знатные и сильные" (стр. 431). Замѣтки того и другаго находятъ для себя подтвержденіе даже у столь поздняго иностранца, какъ Седербергъ. „Самъ царь и придворные его сановники, пишетъ онъ, часто исповѣдуются, постятся 3 или 4 дня.., почему простой народъ полагаетъ, что исповѣдь и посты установлены единственно для высшаго сословія, а ему достаточно вѣрить въ св. Троицу и жить согласно съ Евангеліемъ" (стр. 33). За неимѣніемъ другихъ данныхъ, трудно рѣшить, гдѣ основаніе такихъ сужденій? Думается, однако, что иностранцами въ данномъ случаѣ неправильно понято то воззрѣніе, присущее древнему русскому человѣку,—что для богатаго и сильнаго болѣе поводовъ ко грѣху, и что грѣхи обиженнаго (въ томъ или другомъ отношеніи) судьбою человѣка отчасти искупаются уже самымъ печальнымъ положеніемъ его на землѣ.

Принимаютъ русскіе исповѣдь, по сказаніямъ иностранцевъ, однажды въ годъ [1]). Временемъ для ея принятія обыкновенно служилъ великій постъ. „Исповѣдуются, говоритъ Герберштейнъ (стр. 62), а затѣмъ и Гваньино (pag. 21), около праздника Пасхи". Предпочтительно предъ другими недѣлями этого поста для разсматриваемой цѣли служила страстная недѣля. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по извѣстіямъ Олеарія. „Хотя каждому, пишетъ онъ, представляется на волю исповѣдываться и причащаться, когда захочетъ, но вообще для говѣнья стараются употреблять время около

[1]) Герберштейнъ, стр. 62; Фабри, pag. 10; Гваньино, pag. 21; Олеарій, стр. 358; Петрей, 434—435. Самая ясная замѣтка въ этомъ случаѣ принадлежитъ Маржерету (стр. 259).

св. Пасхи, говѣютъ на страстной недѣлѣ, нѣкоторые и прежде, исповѣдываются же большею частію въ пятницу, а затѣмъ въ субботу подъ Пасху причащаются“ (стр. 358) [1]). При обычномъ предпочтеніи великаго поста для исповѣди, послѣдняя однако принималась и въ другое время. „На покаяніе, пишетъ Фабри, опредѣлено свое время: это, по распоряженію церкви, ежегодно бываетъ предъ праздникомъ Пасхи; впрочемъ очень многіе приносятъ исповѣдь и въ другіе праздничные (?) дни. Во всякомъ случаѣ, добавляетъ онъ, если кто небрежетъ опредѣленнымъ временимъ Пасхи, то тотъ обыкновенно предъ всѣми подвергается отлученію, всѣ его гнушаются и ему воспрещается даже входъ въ церковь“ (pag. 10). Ошибка, которую въ этомъ свидѣтельствѣ допускаетъ Фабри, нужно замѣтить, повторяется и далеко позднѣе у Петрея, когда онъ говоритъ, что „исповѣдуются обыкновенно на большіе праздники“ (стр. 434).

Съ какихъ лѣтъ должны были являться на исповѣдь, иностранцы объ этомъ не говорятъ; вообще же они понимаютъ исповѣдающагося, какъ возрастнаго.

Для того, чтобы исповѣдь была достойною, она должна предваряться говѣніемъ. „Имѣющій принести покаяніе, говоритъ Фабри, чтобы достойно участвовать въ великомъ таинствѣ тѣла и крови Христовой, прежде въ продолженіе нѣсколькихъ дней долженъ удручить свое тѣло и плоть свою довести до рабства; прочіе плоды, достойные покаянія, пусть предоставитъ сокрушенной совѣсти“ (стр. 10). Олеарій, опредѣляя срокъ говѣнія и характеризуя его внѣшнюю сторону, между прочимъ говоритъ: „восемь дней предъ исповѣдью они (русскіе) умерщвляютъ плоть свою строгимъ постомъ, не ѣдятъ и не пьютъ ничего, кромѣ хлѣба, квасу и другихъ кислыхъ напитковъ, такъ что за это время говѣнія спадаютъ съ тѣла и дѣлаются

[1]) Авторъ, кажется, представляетъ дѣло на основаніи устной передачи и потому излагаетъ его весьма сбивчиво и съ ошибками.

отъ того больные“ (стр. 358). Кромѣ поста, говѣніе сопровождалось воздержаніемъ и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, по извѣстію Олеарія же, въ это время „никто не смѣетъ имѣть плотскаго общенія съ женою своею, подъ опасеніемъ значительнаго денежнаго взысканія. Полагаю, впрочемъ, добавляетъ онъ, что по доносамъ самихъ виновниковъ въ подобныхъ дѣлахъ, или женъ ихъ, не много сбирается такихъ взыскныхъ денегъ“ (стр. 357).

Самую исповѣдь иностранцы въ общихъ чертахъ характеризуютъ такъ, что „она бываетъ на ухо“ [1]) и что на ней „каждый грѣшникъ долженъ откровенно признаваться во всѣхъ своихъ грѣхахъ, не скрывать отъ священника даже злыхъ помысловъ“ [2]). Помимо этихъ общихъ замѣтокъ, иностранцы оставили извѣстія и болѣе частнаго характера, направленныя къ возможному уясненію частностей внѣшняго совершенія исповѣди. Таковы замѣтки Герберштейна, Фабри и др. Первый говоритъ: „Исповѣдуются (русскіе)... съ великимъ благоговѣніемъ и сокрушеніемъ сердца. Исповѣдникъ стоитъ вмѣстѣ съ исповѣдующимся посрединѣ храма, обратясь лицомъ къ какому нибудь образу, для этого поставленному. По окончаніи исповѣди и наложеніи покаянія по мѣрѣ прегрѣшеній, оба кладутъ нѣсколько поклоновъ сряду предъ этимъ образомъ и осѣняютъ чело и грудь знаменіемъ креста; наконецъ съ великимъ стенаніемъ восклицаютъ: „Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“!—Ибо это есть ихъ обыкновенная молитва“ (стр. 62—63) [3]). У Фабри остав-

[1]) Маржеретъ, стр. 259.

[2]) Н. Варкочъ, стр. 34.

[3]) Таково же извѣстіе и Гваньино, съ незначительными варіантами: (исповѣдь) говоритъ онъ, бываетъ такимъ образомъ: «исповѣдующій, вмѣстѣ съ готовящимся къ исповѣди, съ великою набожностію и сокрушеніемъ сердца становятся среди храма, обративъ лице свое къ образу какою нибудь святаго. Послѣ раскаянія, сообразно съ тяжестію грѣха, исповѣдующій и исповѣдующійся съ тою же набожностію и благоговѣніемъ преклоняются предъ

лена замѣтка въ томъ же родѣ, но болѣе общая, именно,— „всякій взрослый человѣкъ или достигшій уже такого возраста, что можетъ пользоваться силами своего ума, различать между добромъ и зломъ, правымъ и неправымъ, съ сокрушеніемъ долженъ сознаться, что онъ грѣшникъ. Съ духомъ уничиженнымъ кающійся повергается въ ноги священника и подробно разсказываетъ ему, съ плачемъ и біеніемъ въ перси, о всѣхъ своихъ грѣхахъ, какіе только память могла сохранить въ себѣ; послѣ чего получаетъ разрѣшеніе“ (pag. 21). Таковы сообщенія иностранцевъ о совершеніи исповѣди за XVI вѣкъ.

Въ XVII в. мы встрѣчаемъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Такъ Петрей пишетъ: „желающій (исповѣдаться) долженъ стоять съ духовнымъ отцомъ посреди церкви съ непокрытою головою и обращеннымъ къ образу лицемъ: этотъ образъ нарочно для того и поставленъ, и исповѣдникъ долженъ кланяться предъ нимъ, креститься, опускать голову какъ можно ниже и говорить: „Умилосердись надо мною, Іисусе Христе, Сыне Божій!“ Онъ шепчетъ тихонько на ухо священнику, признаваясь въ сдѣланныхъ имъ прегрѣшеніяхъ и беззаконіяхъ, обѣщаясь раскаяться въ нихъ и исправить свою жизнь; когда же исповѣдь кончится и онъ получитъ разрѣшеніе, священникъ налагаетъ на него эпитимью за множество грѣховъ, въ которыхъ онъ признался“... (стр. 434—435). Замѣтка, оставленная въ этомъ случаѣ Олеаріемъ, почти ничего не сообщаетъ новаго. „Покаяніе должно совершаться, по его извѣстію, посреди церкви, подъ круглымъ сводомъ, предъ священникомъ. Кающійся во время исповѣди долженъ держать глаза свои постоянно устремленными на приготовленный для того образъ, высказать священнику рѣшительно всѣ грѣхи свои, какіе только знаетъ за собою, и дать обѣщаніе вести лучшую жизнь.

иконою и, ограждая какъ можно чаще знаменіемъ креста чело, грудь и плечи, со вздохомъ глубокимъ произносятъ общую молитву: Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, помилуй насъ!» (pag. 21).

Затѣмъ священникъ произноситъ ему отпущеніе грѣховъ и налагаетъ наказаніе на него“ (стр. 359). Осталась еще замѣтка Седерберга, но она въ сжатомъ видѣ говоритъ тоже самое, что мы видимъ у Олеарія, только въ крайне двусмысленномъ изложеніи. По автору, имѣющіе исповѣдаться, „когда кончается у нихъ постъ, идутъ въ церковь, обращаются къ какому-либо святому и сознаются въ своихъ грѣхахъ одинъ за другимъ, какъ у католиковъ, обѣщая исправиться,—послѣ чего священникъ отпускаетъ имъ грѣхи... и пр. (стр. 33). Изъ такого текста трудно понять, предъ священникомъ или предъ образомъ исповѣдуютъ свои грѣхи кающіеся?

На кающихся, какъ мы видимъ изъ только что представленныхъ извѣстій, налагались эпитиміи. Относительно послѣднихъ почти всѣ иностранцы говорятъ, что онѣ были различны. „Однимъ, говоритъ напр. Герберштейнъ, въ видѣ покаянія налагаются посты, другимъ извѣстныя молитвы (ибо молитву Господню знаютъ весьма не многіе), нѣкоторыхъ, если сдѣлали какой либо важный грѣхъ, омываютъ водою. Ибо въ Богоявленіе они черпаютъ текучую воду и, освятивъ ее, сохраняютъ во весь годъ въ храмѣ для очищенія и омовенія самыхъ тяжкихъ грѣховъ. Также считаютъ грѣхъ, совершенный въ субботу, менѣе тяжкимъ и налагаютъ за него меньшее покаяніе. По многимъ самымъ неважнымъ причинамъ ихъ не допускаютъ въ храмы; ибо исключенные стоятъ большею частію у дверей и оконъ храма и оттуда видятъ и слышатъ богослуженіе не меньше, какъ бы были въ храмѣ“ (стр. 63) [1]. Петрей подробнѣе и съ бо́льшимъ толкомъ излагаетъ эту

[1]) А. Гваньино только перефразируетъ слова Герберштейна, при чемъ молитвы, назначаемыя духовникомъ для чтенія въ смыслѣ эпитимьи, называетъ «краткими и легкими», а замѣчая про молитву Господню, что изъ простаго народа ее знаютъ очень немногіе, добавляетъ,—«говорятъ, что эту молитву нужно знать господамъ и священникамъ, которые никакими трудами не заняты» (pag. 21).

сторону дѣла. По его извѣстію, кающійся, въ смыслѣ эпитимьи „долженъ или нѣсколько времени поститься, или читать каждый день по нѣскольку молитвъ, или столько-то разъ перекреститься, опускать и поднимать голову передъ образомъ (поклоны) и ни подъ какимъ видомъ не имѣть сообщенія съ женщиной. На другихъ, виновныхъ въ грубыхъ грѣхахъ, налагаетъ онъ (священникъ) такую эпитимью, что грѣхи ихъ могутъ быть разрѣшены только омовеніемъ освященною въ день Богоявленія водою. Священники хранятъ ее круглый годъ въ церквахъ, употребляютъ для омовенія отъ грѣховъ и продаютъ за большія деньги. На другихъ налагается такая эпитимья, чтобы они не смѣли ходить въ церковь, стояли бы внѣ ея передъ дверями и окнами во время обѣдни, пока не получатъ прощенія во грѣхахъ“.... (стр. 435). Олеарій, руководясь предъидущимъ авторомъ, исчисляетъ тѣже виды эпитимійныхъ наказаній, при чемъ относительно поклоновъ замѣчаетъ, что ихъ предписывалось иногда „нѣсколько сотъ, и даже тысячъ, предъ образомъ своего святаго и съ произношеніемъ „Господи помилуй“! (стр. 358—359). Ко всѣмъ указаннымъ видамъ эпитимій Седербергъ причисляетъ еще хожденіе на богомолье (стр. 33). Кромѣ того, по сказаніямъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, въ практикѣ русской церкви въ этомъ случаѣ эпитиміею было еще отлученіе. „Тѣхъ, которые предаются грѣхамъ публично, говоритъ Фабри, (русскіе) преслѣдуютъ отлученіемъ, которое на ихъ языкъ называется obscha (?), — отъ всякаго сообщества съ ближними, отъ всякаго единенія церковнаго такихъ людей удаляютъ“ (pag. 22). По извѣстію Олеарія, по отношенію къ особеннымъ грѣшникамъ оно простиралось на всю ихъ жизнь. „Извѣстнымъ лицамъ, говоритъ онъ,—а именно: клятвопреступникамъ, убійцамъ, или другимъ важнымъ преступникамъ, совершившимъ покаяніе въ грѣхахъ, причастіе у русскихъ дается не прежде, какъ они будутъ лежать уже на смертномъ одрѣ“ (стр. 363). Вообще же, какъ говоритъ Седербергъ, оно снималось

съ несшихъ его въ такомъ случаѣ, „когда они покаются въ своихъ грѣхахъ и покажутъ знакъ искренняго исправленія“ (стр. 12) [1]. Для получившихъ такое церковное наказаніе не только закрытъ былъ доступъ въ храмъ, но, какъ мы уже видѣли,—даже и образъ его, имѣвшій мѣсто въ храмѣ, выносился оттуда, до примиренія отлученнаго съ церковію [2].—Рядомъ съ эпитиміями, вслѣдствіе небрежнаго наблюденія, иностранцы находили у насъ и индульгенціи. Такое извѣстіе оставлено, впрочемъ, однимъ иностранцемъ, и именно Фабри. „Индульгенціи отъ архіепископовъ и епископовъ русскіе берутъ“,—пишетъ онъ. „Впрочемъ, въ этомъ отношеніи у нихъ дѣло дѣлается болѣе чисто, чѣмъ у католиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, это весьма не честно—продавать другимъ за большія деньги то, что сами получаютъ даромъ“... (pag. 11). Не имѣя никакого повода заподозривать на этотъ разъ автора въ тенденціозности, надо думать, что онъ по всей вѣроятности приравнялъ знакомыя ему индульгенціи съ обычными у насъ, но совершенно различными отъ первыхъ, разрѣшительными молитвами.

Всѣми представленными данными и исчерпываются извѣстія нашихъ иностранцевъ о покаяніи. Резюмируя ихъ, мы должны сказать, что въ общей сложности они не оставляютъ подробныхъ данныхъ о трактуемомъ предметѣ; но за то сравнительно отличаются бо́льшею правдивостью, чѣмъ это мы видимъ въ другихъ случаяхъ. Правда, и здѣсь встрѣчаются ошибки (какъ напр., относительно времени принятія исповѣди), но онѣ вообще-то неизбѣжны по отношенію къ свидѣтельствамъ иностранцевъ о русскомъ богослуженіи, а кромѣ того,—въ данномъ случаѣ касаются только частностей. Другая характерная черта, которую мы замѣчаемъ здѣсь

[1] По извѣстію этого автора, разсматриваемая церковная мѣра постигала «всѣхъ тѣхъ, которые явно согрѣшили, или сотворили соблазнъ (стр. 12—19).

[2] Майербергъ, стр. 50—51.

въ сказаніяхъ иностранцевъ, — это однообразіе ихъ свѣдѣній. Изъ общаго сличенія ихъ можно даже сдѣлать такой выводъ — что большинство процитованныхъ нами авторовъ по вопросу о покаяніи пользовалось записками Герберштейна.

Въ связи съ вопросомъ о покаяніи иностранцы не рѣдко трактуютъ о причащеніи больныхъ. Вниманіе ихъ, впрочемъ, обращается болѣе на актъ заготовленія запасныхъ даровъ для больныхъ, чѣмъ самое причащеніе ихъ.—Временемъ приготовленія запасныхъ даровъ всѣ иностранцы согласно указываютъ—четвертокъ страстной недѣли [1]). Заготовленные въ это время дары, по ихъ извѣстіямъ, благоговѣйно хранятся круглый годъ [2]). Мѣстомъ храненія служитъ вообще храмъ, въ частности же, по Гваньино, чистый сосудъ (pag. 21), а по Олеарію, деревянный голубь, „который вѣшаютъ надъ алтаремъ“ (стр. 360). Актъ заготовленія описывается у Олеарія. „Благословляемый въ чистый четвертокъ (хлѣбъ), говоритъ онъ, назначается только для больныхъ и приготовляется онъ такимъ образомъ. Берутъ испеченный для этого хлѣбъ, величиною почти съ большой рейхсталеръ, съ изображеніемъ распятія по серединѣ. Надъ хлѣбомъ симъ поется: „Agnus Dei“, и произносится благословленіе, и затѣмъ та частица хлѣба, на которой выпечено распятіе, вырѣзывается желѣзнымъ ножичкомъ, имѣющимъ видъ копья, и вырѣзанныя части кладутъ въ деревяннаго голубя, котораго вѣшаютъ надъ алтаремъ, чтобы хлѣбъ не тронули мыши, или что другое нечистое“ (стр. 360). Самый процессъ причащенія излагается иностранцами сходно въ общемъ, но съ разногласіями въ частностяхъ. По Герберштейну, для причащенія больнаго священникъ „беретъ отъ заготовленнаго хлѣба частицу, которую кладетъ въ вино и, хорошо смоченную, даетъ

---

[1]) Герберштейнъ, стр. 63. Гваньино, pag. 21.

[2]) Герберштейнъ, ibid. Гваньино, ibid.

больному, потомъ прибавляетъ немного теплой воды“ (стр. 63). По болѣе же опредѣленному извѣстію Гваньино актъ совершается такимъ образомъ: „когда священникъ намѣревается дать его (хлѣбъ) больному, тогда подливаетъ немного вина и тепловатой воды, и, смочивши хорошенько частицу, даетъ ее больному ложечкою изъ чашечки. Когда же человѣкъ слишкомъ слабъ, такъ что не можетъ принять хлѣба, тогда вливается ему въ ротъ изъ чашечки капля освященнаго вина“ (pag. 21). По Кобенцелю заготовленный хлѣбъ „предлагаютъ болящимъ въ едва теплой водѣ, взимая частицу отъ святыхъ даровъ серебряною ложицею“ (стр. 135) [1]). Въ XVII вѣкѣ Олеарій еще съ другими особенностями излагаетъ разсматриваемый актъ. „Если кто въ теченіе года заболѣетъ, — говоритъ онъ, — и вдругъ пожелаетъ причаститься св. таинъ, то изъ голубя берутъ такимъ образомъ (какъ онъ сказалъ выше) освященнаго хлѣба небольшой кусочекъ, поливаютъ на него три капли краснаго вина и кладутъ въ чашу; тогда подливаютъ къ хлѣбу и вину немного воды, иногда же воды не подливаютъ, смотря потому, какъ можетъ принимать дары больной; такимъ образомъ даютъ дары больному ложечкою. Иногда же, если больной не можетъ уже проглотить хлѣба, даютъ ему только одного вина“ (стр. 360). Причащеніе больнаго, какъ обыкновенно, предварялось его исповѣдью и сопровождалось назиданіемъ. „По приходѣ (для напутствованія), говоритъ Петрей, священникъ уговариваетъ больнаго исповѣдать ему всѣ свои грѣхи, напутствуетъ его, даетъ ему разрѣшеніе и очищаетъ его, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, отъ всѣхъ грѣховъ, содѣланныхъ въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, словомъ, дѣломъ и мыслію, а чтобы онъ твердо и непоколебимо вѣрилъ тому, пріобщаетъ его св. дарами. Послѣ того священникъ утѣшаетъ больнаго нѣкоторыми молитвами и псалмами пророка Давида (стр. 439). Иностранцамъ было совер-

[1]) Ср. Перштейнъ, стр. 6.

шенно недоступно непосредственное наблюденіе приготовленія запасныхъ даровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ едвали приходилось бывать очевидцами напутствованія больнаго: изъ этихъ двухъ фактовъ становятся вполнѣ понятными тѣ частныя ошибки, какія они допускаютъ въ своихъ извѣстіяхъ о томъ и другомъ предметѣ.

О таинствѣ священства иностранцы совершенно не оставили данныхъ чисто литургическаго характера. Всѣ ихъ извѣстія въ этомъ случаѣ касаются только акта избранія лицъ на церковныя должности, но и въ этомъ отношеніи они сообщаютъ намъ весьма немногое. Во главѣ всего духовенства, говорятъ иностранцы, въ болѣе раннее время стоялъ митрополитъ, а въ послѣдующее патріархъ. Первый, по отсталому извѣстію Павла Іовія, испрашивается отъ константинопольскаго патріарха (стр. 44), а по сказанію Гваньино только получаетъ свою власть отъ него (pag. 10).

Сообразно съ послѣднимъ взглядомъ, иностранцы мѣстомъ избранія митрополита считаютъ самую же русскую церковь. Высшее право избранія, по ихъ взгляду, въ болѣе раннее время принадлежало клиру, а затѣмъ перешло къ верховной свѣтской власти, „Нѣкогда, говоритъ Герберштейнъ, митрополитъ (также архіепископы) были выбираемы на соборѣ изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: искали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа святой жизни и избирали его. Про нынѣшняго же князя (рѣчь идетъ про Іоанна Васильевича Грознаго) говорятъ, что онъ, обыкновенно, призываетъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ лицъ, и изъ ихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію (стр. 44—45) [1]). Объ избраніи же

[1]) Авторъ далѣе приводитъ фактъ, подтверждающій высказанное имъ сужденіе. Гваньино повторяетъ Герберштейна, когда говоритъ: — «митрополитъ сперва избирался изъ настоятелей монастырей, по приговору и согласію всего духовнаго чина, но теперь эту власть присвоилъ себѣ великій князь московскій и по своему суду ставитъ въ Московіи митрополита» (pag. 23).

патріарха Петрей говоритъ такъ: „При его избраніи ему бываетъ не меньше почестей и услугъ, какъ и при выборѣ вел. князя. Тогда собираются всѣ митрополиты, архіепископы, епископы, игумены, строители и все главное духовенство со всѣхъ церквей и монастырей и доложатъ великому князю, что желаютъ выбрать такого, который выше всѣхъ ихъ по богобоязненности, добродѣтели, благочестію, святой жизни и наукѣ; въ случаѣ согласія и соизволенія в. князя, выбираютъ и посвящаютъ это лицо въ патріархи со всѣми духовными обрядами. Если же избранный не угоденъ в. князю, онъ избираетъ другаго, который ему нравится; хотя бы этотъ санъ тому и не шелъ, превышалъ его способности, и противъ него было все духовенство; однакожъ все же духовныя лица должны будутъ признать и почитать его патріархомъ, если такова воля в. князя“ (стр. 417).

Олеарій оставилъ болѣе подробное сообщеніе по разсматриваемому предмету. „Въ настоящее время, говоритъ онъ, какъ избраніе, такъ и утвержденіе патріарха совершается въ городѣ Москвѣ самими русскими [1]) и избирается изъ митрополитовъ и другихъ духовныхъ лицъ самими митрополитами, архіепископами и епископами; для чего эти члены собираются въ самой большой церкви въ Кремлѣ, называемой соборомъ, выбираютъ изъ среды себя двухъ, а иногда 4-хъ или 5 лицъ, которыхъ считаютъ наиразумнѣйшими, самыми начитанными и безпорочными въ жизни людьми и представляютъ о нихъ Его Царскому Величеству; изъ этихъ то представленныхъ Царю, Его

[1]) Предъ этимъ авторъ говоритъ: «Въ прежнія времена избраніе патріарха зависѣло отъ патріарха константинопольскаго; впослѣдствіи же константинопольскій патріархъ давалъ только свое утвержденіе. Патріархъ Филаретъ Никитичъ, третій изъ таковыхъ, былъ и послѣдній, котораго утвердилъ такимъ образомъ константинопольскій патріархъ» (стр. 346). Авторъ въ началѣ рѣчи смѣшиваетъ патріарха и бывшаго до патріаршества, московскаго и всея Россіи, митрополита.

Царское Величество, по совѣщаніи съ другими лицами духовными, и избираетъ патріарха. Иногда, если представленныя къ избранію лица были таковы, что, вслѣдствіе равенства въ достоинствахъ ихъ, нельзя было предпочесть одного изъ нихъ другому, дѣло рѣшалось по жребію, какъ случилось это, напр., при избраніи бывшаго предъ симъ патріарха, который, будучи только игуменомъ въ одномъ монастырѣ [1]), какъ весьма ученый мужъ, за достоинство свое, былъ также представленъ къ избранію. При этомъ, когда жребій палъ на него, и другіе члены противились было его избранію, бросили вторичный жребій, который и въ другой разъ палъ на него же. Когда же и послѣ этого великій князь замѣтилъ, что остальные духовные члены все еще косо посматриваютъ на избраннаго, брошенъ былъ новый жребій въ третій разъ, и когда и въ этотъ разъ счастіе снова выпало на долю уже дважды избраннаго, то Его Царское Величество сказалъ: „Я вижу, что ему такъ назначено, и что онъ самимъ Богомъ избранъ патріархомъ, почему онъ и долженъ быть патріархомъ, а не кто либо другой.“ — „По избраніи патріарха, добавляетъ авторъ, выдается призывная (ставленная) грамота или письмо, за подписью и печатью избиравшихъ чиновъ, въ томъ, что онъ признанъ достойнымъ и избранъ въ патріархи, по добровольному желанію всѣхъ ихъ, законнымъ образомъ. Затѣмъ Его Царское Величество дѣлаетъ утвержденіе“ (стр. 346—347).

Седербергъ, и въ данномъ случаѣ, пользуясь Олеаріемъ, передаетъ дѣло, однако, въ другой окраскѣ: „(патріархъ) по его извѣстію избирается въ настоящее время нѣсколькими духовными лицами, назначенными отъ самаго царя, которыя собираются съ министрами, архіепископами, епископами для обсужденія избранія, и указавъ на одного изъ излюбленныхъ, тотчасъ по-

[1]) Симоновскій архимандритъ—Іосифъ, избранный въ 1642 г.

священаютъ его и ставятъ надъ другими“ (стр. 10). На основаніи всѣхъ только что представленныхъ свидѣтельствъ ясно, что, по взгляду иностранцевъ, участіе высшей свѣтской власти въ избраніи первенствующаго лица въ русской церкви, съ теченіемъ времени получало все большее и большее значеніе. Поэтому одинъ изъ болѣе позднихъ иностранцевъ—Карлейль, касаясь разсматриваемаго вопроса, ограничивается лаконическимъ замѣчаніемъ: „Патріархъ избирается царемъ“ (стр. 45).

Что касается до избранія епископовъ вообще, то объ этомъ иностранцы замѣчаютъ только, что они избираются по жребію изъ достойнѣйшихъ кандидатовъ“ [1]), и притомъ изъ монаховъ, „которые, живя въ монастыряхъ, отличаются самымъ неукоризненнымъ поведеніемъ, желая чрезъ то содѣлаться достойнѣе епископскаго сана“ [2]). Къ такимъ краткимъ извѣстіямъ можно добавить, что сообщеніе Павла Іовія о выборахъ епископовъ по жребію находитъ для себя подтвержденіе въ запискахъ восточнаго путешественника, архидіакона Павла. „Обычай посвященія во епископа, говоритъ онъ, здѣсь слѣдующій. Прежде всего, если угодно патріарху, онъ самъ назначаетъ кандидата, если же такъ не угодно, то онъ избираетъ 12 кандидатовъ и, написавъ имена ихъ на маленькихъ листикахъ бумаги, закатываетъ въ воскъ свѣчи, стоящей на престолѣ, а послѣ трехъ литургій, въ слѣдующіе за тѣмъ три дня, призывается дитя, и чей листокъ онъ возьметъ, тотъ и выбирается [3]).

---

[1]) Павелъ Іовій, стр. 44.

[2]) Кобенцель, стр. 137.

[3]) См. Труды Кіев. Дух. Ак. 1876 г. т. III, стр. 327. Архидіаконъ Павелъ подробно останавливается и на другихъ частностяхъ избранія во епископа, а также и на самомъ посвященіи его, но это и не относится къ нашей цѣли и уже извѣстно въ печати (см Ibid. стр. 327—330).

Относительно постановленія священниковъ иностранцы вообще замѣчаютъ, „что у москвитянъ положено закономъ, чтобы пресвитера ставили одни только епископы“. По свидѣтельствамъ иностранцевъ XVI в.— Герберштейна (стр. 46), Гваньино (pag. 22) и Кобенцеля (стр. 136), на эту степень преимущественно возводились лица, кои долго служили діаконами, причемъ въ замѣщеніи священническаго мѣста нерѣдко соблюдалась наслѣдственность. О послѣдней говоритъ ф.-Вухау въ 26-й статьѣ главныхъ заблужденій русской вѣры: „русскіе, пишетъ онъ, утверждаютъ, что высшій духовный санъ (praelatura) и священство, также посвященіе, могутъ продаваться и покупаться, и что дѣти священниковъ по праву пріобрѣтаютъ то, чѣмъ владѣли ихъ отцы“ (46 стр.). Условіями, которыя наблюдались при избраніи священниковъ, между прочимъ было то, чтобы они были женаты одинъ разъ и на женщинѣ безупречнаго поведенія (см. выше). Что касается до умственныхъ и нравственныхъ качествъ посвящаемаго, то объ этомъ иностранцы ранняго времени совершенно не упоминаютъ, хотя даютъ понять, что требованія въ должномъ случаѣ отъ кандидатовъ священства были весьма ограничены. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать на основаніи уже извѣстнаго намъ мѣста изъ Петрея, гдѣ онъ говоритъ, — чѣмъ шибче и громогласнѣе выкрикиваетъ священникъ, тѣмъ выгоднѣе о немъ мнѣніе: полагаютъ, что онъ ученъ и можетъ хорошо исправлять свою должность. Если же онъ заикается и неможетъ продолжать скоро и бойко, то слушатели до того разсердятся, что жалуются на него патріарху, и иногда онъ лишается мѣста (стр. 421). На это же указываетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, когда замѣчаетъ: „Можно сказать, что верхъ учености, требуемой для того, чтобы быть принятымъ въ священническій санъ, заключается въ слѣдующемъ: они (кандидаты) должны пѣть и читать внятно, по порядку, установленному для церковной службы, не пользоваться дурною славою между сосѣдями, имѣть хорошій чистый голосъ и

способность повторять — „Господи помилуй!“ — со всевозможною быстротою 10 или 15 разъ сряду, не переводя духъ... Они (русскіе) также не очень то разборчивы касательно того, откуда берутъ своихъ священниковъ: я зналъ людей въ ремесленническомъ званіи (преимущественно же зналъ одного деревенскаго кузнеца), которые потомъ допускались до священническаго сана“ (стр. 138—139). Но сколь ни были ограничены требованія отъ кандидатовъ священства, тѣмъ не менѣе послѣдніе предъ самымъ посвященіемъ подвергались испытанію и въ отношеніи къ этимъ требованіямъ. Такъ, по Олеарію, „кто желаетъ быть посвященнымъ въ санъ попа, отправляется къ патріарху, митрополиту или епископу, кто поближе, подвергается тамъ испытанію и, если по испытаніи окажется способнымъ, т. е. если онъ хорошо читаетъ, пишетъ и поетъ, то рукополагается въ попы и утверждается въ этомъ санѣ письменнымъ одобреніемъ (attestatio) (стр. 350—351) [1]. Болѣе обстоятельнаго испытанія не требовалось до самаго начала XVIII в. [2].

О самомъ же посвященіи тотъ же авторъ замѣчаетъ только слѣдующее: „при посвященіи на него надѣвается священническій кафтанъ, весьма мало отли-

---

[1]) Авторъ несомнѣнно разумѣетъ здѣсь ставленную грамату. О ея содержаніи позднѣе говоритъ архидіаконъ Павелъ,—именно: въ ней писалось, что патріархъ посвятилъ священника такого-то, изъ такого-то города и для служенія къ такой-то церкви, по одобреніи жителей сказаннаго мѣста, ибо каждый изъ кандидатовъ всегда приносилъ съ собою письменный документъ, свидѣтельствующій, что онъ человѣкъ достойный и женатъ только на одной женѣ. На граматѣ ставилась патріаршая печать (см. Труд. Кіев. Акад. 1876, т. III, стр. 319).

[2]) До 1711 года, говоритъ Седербергъ, не требовалось богословскаго испытанія, когда самъ царь повелѣлъ, чтобы малый катихизисъ Лютера (?) былъ набранъ и напечатанъ на русскій языкъ, а также приказалъ, чтобы безъ знанія его наизусть никого не посвящали въ духовный санъ» (стр. 58).—Это извѣстіе, несомнѣнно ложное въ частностяхъ, въ отношеніи его требованія вообще, едва ли не вѣрно.

чающійся отъ свѣтскаго, постригаются на макушкѣ волосы, и возлагается на голову суконная шапочка, называемая скуфьею — scuffia (плотно лежащая на постриженномъ мѣстѣ головы прямо на кожѣ, какъ наши ермолки), около которой остальные длинные волосы распущенные ниспадаютъ по плечамъ, какъ у женщинъ. Шапочку эту попы никогда не снимаютъ, развѣ только для того, чтобы снова подстричь выросшіе на головѣ волосы; это какъ бы священная принадлежность и она имѣетъ великое значеніе. Если кто ударитъ попа и при этомъ попадетъ по шапочкѣ или сронитъ ее съ головы священника на землю, тотъ подвергается большему взысканію и долженъ заплатить попу за безчестіе“ (стр. 351). Позднѣе Корбъ, сообщая почти тѣже самыя данныя по разсматриваемому предмету, пространно останавливается на значеніи получаемой при этомъ священниками скуфьи. Жалуютъ „священствомъ, говоритъ онъ, возлагая руки на голову возводимаго въ это званіе и полагая ему на голову освященную патріархомъ шапочку, называемую скуфьей. Священникъ долженъ ее весьма заботливо беречь, потому что онъ остался бы въ противномъ случаѣ недостойнымъ священнаго званія. Мірянинъ въ дракѣ съ священникомъ обязанъ болѣе всего заботиться о томъ, чтобы не замарать его шапочки; кто хочетъ бить попа, тотъ обязанъ съ должнымъ почтеніемъ снять съ его головы шапочку, положить на приличномъ мѣстѣ, а потомъ уже можетъ безнаказанно и сколько ему угодно колотить попа. Поколотившій священника не подвергается никакой отвѣтственности предъ закономъ, никакому наказанію или отлученію отъ церкви, если послѣ драки съ должнымъ почтеніемъ вновь надѣнетъ на попа снятую съ него прежде шапочку. Такимъ образомъ, если было оказано уваженіе къ шапочкѣ, то уваженіе къ званію пресвитера не было, значитъ, нарушено,—колотившій, по дьявольскому наущенію, попа,—билъ не священника, а только воздухъ, и возмездіе сдѣлано личности человѣка“

(стр. 269—270) [1]. Относительно поставленія въ санъ діакона и на другія церковныя должности, иностранцамъ только и было извѣстно, что все это дѣлается при непосредственномъ участіи епископа [2].

Крайняя скудость оставленныхъ иностранцами свѣдѣній по вопросу о совершеніи таинства священства, замѣтимъ,—едва ли объясняется тѣмъ, чтобы они игнорировали эту сторону дѣла при своихъ наблюденіяхъ надъ русскою обрядностію. Болѣе правдиво думать, что иностранцы не имѣли возможности обстоятельно наблюдать поставленіе на священныя степени, какъ совершаемое исключительно только при архіерейскомъ служеніи и притомъ по требованію случая,— а потому и совершенно умолчали объ относящихся сюда обрядахъ.

Таинство брака, совершавшееся всегда торжественно и при многочисленномъ стеченіи народа—обратило на себя вниманіе иностранцевъ не менѣе, чѣмъ таинство крещенія. Отсюда рѣдкій иностранецъ не оставилъ въ своихъ запискахъ того или другаго извѣстія касательно этого священнодѣйствія. Къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ иностранцы имѣли здѣсь въ виду не столько церковную сторону дѣла, сколько бытовую.

Вступленіе въ бракъ обставлено было извѣстными условіями. Иностранцы особенно ясно отмѣчаютъ изъ нихъ двѣ — это возрастъ и родство. Первый, по ихъ взгляду, былъ очень раннимъ. „Русскіе, говоритъ неизвѣстный авторъ XVI в., обыкновенно женятъ очень молодыхъ сыновей, лѣтъ 16—18, дочерей 12—13 и моложе“ (стр. 28). Что касается до родства, то о немъ упоминаютъ почти всѣ иностранцы, хотя и не одинаково. По Герберштейну, (русскіе) „заключаютъ бракъ не ближе четвертой степени родства или свойства. Счи-

---

[1]) Ср. Олеарій, стр. 351, Садербергъ, стр. 10.

[2]) Фабри, pag. 8—9.

тают̀ъ за ересь роднымъ братьямъ жениться на родныхъ сестрахъ. Никто также не см̀етъ жениться на сестр̀̀ свояка. Также весьма строго наблюдаютъ, чтобы не соединились бракомъ т̀̀, которые вошли между собою въ духовное родство по крещенію“ (стр. 74) [1]). По Фабри, у русскихъ „на родство или свойство устремлена особенная заботливость — до того, что у нихъ и въ четвертой степени никогда не можетъ быть супружества. Такъ однажды навсегда постановлено св. отцами, и русскіе заботятся о томъ, чтобы это оставалось навсегда же въ своей сил̀̀. Это воспрещеніе вступать въ бракъ въ близкомъ родств̀̀ простирается даже и на родство духовное, условливаемое таинствами крещенія и мyропомазанія. Если тутъ случится какое либо недоум̀̀ніе или споръ, то онъ р̀̀шается мн̀̀ніемъ епископовъ, однако такъ, чтобы отнюдь по снисхожденію не послабляли причины препятствія къ браку, чтобы не было никакой лжи въ ихъ суд̀̀“ (pag. 9). По сбивчивому сообщенію Петрея у русскихъ въ данномъ случа̀̀ „берутъ въ соображеніе свойство, кумовство, кровное родство и н̀̀которыя степени, а именно, что два брата не могутъ жениться на двухъ сестрахъ, также на т̀̀хъ, съ которыми вм̀̀ст̀̀ принимали изъ купели младенца и были свид̀̀телями, съ которыми въ родств̀̀ въ нисходящей и восходящей линіи, или съ родственницами in primo, secundo et tertio gradu lineae inaequalis“ (стр. 412) [2]).

Кром̀̀ возраста и родства, при заключеніи брака, обращали вниманіе еще на то, въ какой именно бракъ вступаетъ то или другое изъ брачущихся лицъ? По Герберштейну, русскіе „допускаютъ еще, чтобы кто нибудь женился на второй жен̀̀ и сд̀̀лался двоеженцемъ, но едва признаютъ это законнымъ бракомъ.

[1]) А. Гваньино говоритъ только, что русскіе не допускаютъ супружества въ четвертой степени родства (pag. 22).

[2]) Тоже самое въ существ̀̀ д̀̀ла повторяютъ—Олеарій (стр. 204), Майербергъ (стр. 82) и Седербергъ (стр. 8).

Жениться на третьей не позволялось безъ важной причины. Брать четвертую жену не допускаютъ никого и считаютъ это дѣломъ не христіанскимъ“ (стр. 74) [1]. Майербергъ, указывая также, что четвертый бракъ на Руси воспрещенъ, въ тоже время относительно другихъ повторительныхъ браковъ замѣчаетъ: „Кто женится на второй женѣ, тому возбраняется входъ въ церковь въ продолженіе двухъ лѣтъ; а тому, кто на третьей женѣ,—20 лѣтъ“ (стр. 83) [2]. Вообще по иностранцамъ русскіе весьма неблагопріятно смотрѣли какъ на второй, такъ и на третій бракъ. Вѣроятно, по этому-то Д. ф.-Бухау говоритъ даже такъ, что „второй и третій браки непозволительны (у русскихъ) и происшедшія отъ того дѣти незаконны (стр. 46). Что же касается до четвертаго брака въ частности, то, по Олеарію, священникъ, совершившій его, „отрѣшается отъ должности“ (стр. 204), а по Седербергу, „кто вступитъ въ него, подвергается смертной казни“ (стр. 9). Въ виду такихъ строгихъ постановленій относительно этого брака, иностранцы съ упрекомъ говорятъ, что Грозный вопреки правиламъ женился не только на четвертой, но даже и на седьмой [3]. Изъ лицъ, по своему званію не имѣющихъ право вступать въ бракъ, иностранцевъ указываютъ только монашествующихъ [4]. Въ противоположность же этому они особенно отмѣчаютъ фактъ—обязательности брака для лицъ, имѣющихъ вступить въ священное званіе. Что иностранцы въ данномъ случаѣ смотрѣли на *женатыхъ* священниковъ, какъ на явленіе необычное для нихъ, это доказывается уже тѣмъ, что они обратили вниманіе даже

---

[1]) По Гваньино, сужденіе Герберштейна о второмъ бракѣ приложимо только къ третьему (pag. 22).

[2]) Третій бракъ и по этому автору «иначе не дозволяется, какъ по очень важнымъ и значительнымъ причинамъ» (ibid.).

[3]) Маржеретъ, стр. 255 Майербергъ, стр. 83.

[4]) См. напр. Фабри, pag. 7.

на условія вступленія въ бракъ священника и на значеніе для него такой жизни. Для примѣра приводимъ нѣкоторыя извѣстія. „Священникамъ, пишетъ напр. Петрей, положено жениться, только они должны брать за себя не такихъ, которыя нажили себѣ дурную молву и извѣстность, или родители которыхъ сомнительной честности, а непорочныхъ дѣвицъ, не имѣвшихъ еще связи ни съ однимъ мужчиной. По кончинѣ священникъ не можетъ брать другую, если не хочетъ лишиться мѣста, или быть согнаннымъ съ него: пожелавъ жениться опять, онъ уже не можетъ исправлять никакой церковной должности“.... (стр. 423). Тоже повторяетъ и Олеарій (стр. 204). Седербергъ же, руководясь тѣмъ и другимъ, оставляетъ замѣтку болѣе сжатую, но за то и болѣе точную. „Священникомъ, говоритъ онъ, никто не можетъ сдѣлаться, не давъ обѣта согласно 1-му посл. къ Тимоѳею, гл. 3, ст. 2. (Единыя жены мужу). Если онъ овдовѣетъ, то долженъ либо пойти въ монастырь, либо обратиться въ міръ и снять свою священническую одежду. Священникъ не можетъ жениться на вдовѣ или обезславленной женщинѣ, а только на дѣвицѣ“.... (стр. 9).

Русскіе, по сказаніямъ иностранцевъ, считали дѣйствительнымъ бракъ, заключенный только по православному обряду. Поэтому-то Майербергъ, указывая на невозможность на Руси четвертаго брака, добавляетъ сюда: „однакоже ни который бракъ не ставится въ счетъ новообращенному въ русскую вѣру, хотя бы разъ десять женатъ былъ въ латинствѣ, кромѣ того супружества въ которое вступилъ въ московской вѣрѣ, потому что латинскіе браки москвитяне называютъ наложничествомъ, а не супружествомъ. Отъ того-то, когда супруги латинской вѣры, впавши оба въ соблазнъ отступничества, вмѣстѣ переходятъ въ еретическую московскую вѣру и желаютъ продолжить супружескую жизнь вмѣстѣ; то и обязаны совершить потомъ свой бракъ по московскому обряду, изъявивъ взаимное на то согласіе предъ лицомъ церкви. Отсюда не-

обходимое слѣдствіе, что всѣ, исповѣдующіе латинскую вѣру, по мнѣнію москвитянъ, незаконорожденные“.... (стр. 83). По поводу этого извѣстія Майерберга надо замѣтить, что для времени автора оно едвали достовѣрно.

Относительно времени совершенія браковѣнчанія иностранцы не оставили извѣстій; а что касается до мѣста, то, по выраженію Олеарія, „вѣнчаніе всегда совершается въ общественныхъ церквахъ“ (стр. 204).

Въ извѣстіяхъ о самомъ вѣнчаніи брака сообщенія иностранцевъ обыкновенно начинаются рѣчью о предбрачныхъ переговорахъ и бытовыхъ обычаяхъ [1]), а

---

[1]) Извѣстія ихъ здѣсь во многихъ случаяхъ весьма любопытны. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ. «Зазорно и постыдно, начинаетъ рѣчь о бракѣ Герберштейнъ, — (у русскихъ) молодому человѣку самому себѣ сватать дѣвушку: дѣло отца предложить молодому человѣку, чтобы онъ женился на его дочери. При этомъ у нихъ есть въ обычаѣ говорить такія слова: «такъ какъ у меня есть дочь, то я желалъ бы, чтобы ты былъ у меня зятемъ». На это молодой человѣкъ говоритъ: «Если ты меня просишь въ зятья и тебѣ такъ угодно, то я пойду къ моимъ родителямъ и доложу имъ объ этомъ». Потомъ, если родители и родственники будутъ согласны, то они сходятся вмѣстѣ и толкуютъ о томъ, что отецъ дастъ дочери въ приданое. Затѣмъ, порѣшивъ о приданомъ, назначаютъ день свадьбы. Тѣмъ временемъ жениха не пускаютъ въ жилище невѣсты. И если онъ станетъ просить, чтобы ему по крайней мѣрѣ можно было увидѣть ее, то родители обыкновенно отвѣчаютъ: «Узнай, какова она, отъ другихъ, которые ее знаютъ». Доступъ дается ему не прежде, какъ уже свадебный договоръ скрѣпленъ страхомъ огромнаго штрафа, такъ что женихъ не можетъ отказаться безъ большой пѣни, если бы и хотѣлъ.... Приглашенные на свадьбу... посылаютъ невѣстѣ подарки...., за которые (послѣ свадьбы)... женихъ отплачиваетъ деньгами»... (стр. 72—73). Тоже самое передаютъ Петрей (стр. 400—401), Олеарій (стр. 204—205) и Седербергъ (стр. 23—24). Но у перваго обращеніе отца къ молодому человѣку и затѣмъ отвѣтъ послѣдняго изложены иначе: «Твои родители, говоритъ здѣсь отецъ къ намѣченному имъ жениху,—мой другъ, хорошіе мнѣ пріятели; ты, твой нравъ и пріемы, мнѣ очень понравились; имя у тебя честное; всѣ тебя любятъ; потому мнѣ и хочется выдать за тебя свою дочку, если только она тебѣ полюбится. Приданаго (pro dote) за нею столько-то въ разныхъ ве-

также о предбрачныхъ обрядахъ, при которыхъ, кажется совершалось иногда церковное обрученіе. Указываемые обряды, какъ пишутъ иностранцы, происходили не за-

---

щахъ, въ серьгахъ, сшитыхъ платьяхъ, серебрѣ, деньгахъ, скотѣ, лошадяхъ, крѣпостныхъ рабахъ, служанкахъ и другомъ домашнемъ имуществѣ». Молодецъ отвѣчаетъ: «Когда ты желаешь меня въ сыновья и въ зятья себѣ, и тебѣ это кажется хорошимъ, я объ этомъ подумаю, а ты попроси о томъ моихъ родителей и пріятелей, я же буду согласенъ и доволенъ, что они надумаютъ и рѣшатъ». При этомъ Петрей (а за нимъ Олеарій и Седербергъ) добавляютъ къ сообщенію Герберштейна: «Если родители и пріятели (жениха) неотступно просятъ и говорятъ, что если самому жениху нельзя видѣть невѣсты, то они хотятъ посмотрѣть на нее: это и дозволяется имъ, если невѣста безъ порока и увѣчья, и тогда отецъ, мать и двѣ короткія ихъ пріятельницы отправляются въ жилище невѣсты. Если она изъ зажиточныхъ, или богатыхъ, и въ домѣ у нея много покоевъ, то сидитъ одна въ комнатѣ, разодѣтая и разукрашенная. Если она бѣдная, или недостаточнаго состоянія, и въ домѣ всего одна комната, она сидитъ, принарядившись, за занавѣскою, чтобы никто не видѣлъ ее. Подошедши къ ней женихова мать, выводитъ ее изъ комнаты, или изъ-за занавѣски, беретъ за руку, ходитъ съ ней взадъ и впередъ, оглядываетъ ее внимательно, не слѣпа ли и не хрома ли она, не колчетъ ли, не шелудива ли, или нѣтъ ли за ней какого другаго недостатка и порока; если она довольна невѣстой, то говоритъ ей, что она будетъ за ея сыномъ; такъ и пойдутъ къ столу и веселятся. Потомъ невѣстина мать точно также пойдетъ въ домъ жениха,—и также осматриваетъ его, не слѣпъ ли и не хромъ ли онъ и не имѣетъ ли какого другаго увѣчья; и если онъ ей нравится, тотчасъ же посылаютъ за писаремъ и съ обоюднаго согласія дѣлаютъ крѣпкую запись, а именно: кто измѣнитъ своему слову и обѣщанію въ какомъ-нибудь изъ этихъ условій, которыя положены обѣими сторонами, и поставитъ его ни во что, долженъ будетъ заплатить въ наказаніе столько-то сотенъ талеровъ» (стр. 407—409).

По извѣстію болѣе поздняго писателя, Корба, предбрачная процедура оставалась таже самая, но у него, что болѣе правдоподобно, дѣло начинается со стороны жениха, и, кромѣ того, есть другія извѣстія, которыхъ не достаетъ у поцитованныхъ писателей. «Въ Московіи..., пишетъ онъ, по обычаю народному, мужчина, ищущій руки дѣвицы не только не можетъ съ нею говорить, но даже и видѣть ее. За жениховъ должны ходатайствовать ихъ матери, или какая либо другая баба; затѣмъ, если состоится согласіе родителей невѣсты (безъ соизволенія съ ихъ стороны

долго до брака, именно въ тотъ же самый день. Касаясь ихъ, авторы сказаній, къ сожалѣнію, о церковномъ элементѣ въ нихъ оставляютъ только краткія

бракъ считался бы незаконнымъ) родители договариваются о приданомъ.... По назначеніи приданаго, родители невѣсты составляютъ, такъ сказать, письменный вѣновный договоръ, который заключаетъ въ себѣ ихъ или родственниковъ невѣсты поручительство въ цѣломудріи невѣсты; такое ручательство дастъ поводъ къ весьма многимъ раздорамъ въ томъ случаѣ, если будущій супругъ возъимѣетъ малѣйшее сомнѣніе въ дѣвственности его невѣсты. Послѣ сего невѣста первая посылаетъ подарокъ жениху, а тотъ, съ своей стороны, также отдариваетъ ее подаркомъ. Но во все это время жениху и невѣстѣ не позволяется еще видѣть другъ друга и говорить между собою (стр. 289—290).

Таковы въ данномъ случаѣ извѣстія иностранцевъ одной категоріи. Другіе же представляютъ дѣло нѣсколько иначе. Такъ, по краткому сообщенію неизвѣстнаго автора XVI в. дѣло бываетъ такимъ образомъ: «Когда слюбятся обѣ стороны, женихъ посылаетъ невѣстѣ (по тѣмъ иностранцамъ онъ ничего не даритъ) сундучекъ или ящикъ, въ которомъ лежатъ: кнутъ, иголки, нитки, шелкъ, холстъ, ножницы и т. под. вещи, которыми она будетъ работать, когда сдѣлается его женою, иногда еще изюмъ, винныя ягоды и т. п., давая ей понять этими подарками, кнутомъ—если оскорбитъ мужа, то будетъ бита имъ; иголками, нитками, холстомъ, что она должна прилежно заниматься шитьемъ и работать, что лучше умѣетъ; изюмомъ и плодами онъ обѣщаетъ, что при хорошемъ своемъ поведеніи у ней не будетъ недостатка ни въ какой хорошей вещи, ничего не будетъ слишкомъ дорогимъ для нея. Невѣста посылаетъ жениху рубашку, платки и т. п. собственной работы. По окончательномъ сговорѣ назначается день свадьбы» (стр. 26—27). Такой порядокъ наблюдался, кажется, только у простонародья, если судить по Олеарію, который говоритъ аналогично съ этимъ авторомъ: «Если затѣютъ свадьбу простолюдины, или горожане, то женихъ, обыкновенно, за день до свадьбы посылаетъ своей невѣстѣ новое платье, шапочку и пару сапогъ, и также ящичекъ съ румянами, гребешкомъ и зеркаломъ» (стр. 210). Одерборнъ же передаетъ еще иначе. «Если юноша, говоритъ онъ, понравится какой нибудь дѣвицѣ, то посылаетъ трехъ или четырехъ близкихъ людей, чтобы они склонили родителей на выдачу за мужъ дѣвицы. Эти же послѣдніе, чтобы больше подстрекнуть сватающихъ, твердо говорятъ, что относительно этого дѣла (т. е. замужества дочери) у нихъ ничего не можетъ быть, и сами принимаютъ предъ посольцами нѣкоторый видъ важности. Обманутый

упоминанія. Болѣе обстоятельное и ясное описаніе (хотя и преимущественно съ бытовой стороны) этихъ обрядовъ (только какъ бывали они у знатныхъ) при-

надеждою женихъ начинаетъ вести дѣло другимъ путемъ и тщательнѣйшимъ образомъ улучаетъ время и случай словить дѣвицу. И вотъ, если она случайно выходитъ изъ отеческаго дома, то услужники (жениха), расположенные въ засадахъ, схватываютъ неосторожную и ничего такого не боящуюся дѣвицу и бросаютъ въ сѣти жениха и ловца.... Посылаются другіе послы... Тогда, по испрошеніи соизволенія у родителей назначается день свадьбы»... (pag. 40).

Иностранцы не оставляютъ въ сторонѣ и предбрачныхъ обычаевъ, принятыхъ у московскихъ государей. Въ этомъ случаѣ они передаютъ уже извѣстное, именно: «московскіе государи, желая вступить въ бракъ, повелѣваютъ избрать изъ всего царства дѣвицъ, отличающихся красотою и добродѣтелью, и представить ихъ ко двору. Здѣсь поручаютъ ихъ освидѣтельствовать надежнымъ сановникамъ и вѣрнымъ боярынямъ, такъ что самыя сокровенныя части тѣла не остаются безъ подробнаго разсмотрѣнія. Наконецъ, та, которая понравится царю, объявляется достойною брачнаго съ нимъ соединенія» (Павелъ Іовій, стр. 52). Такой обычай, по словамъ иностранцевъ, имѣлъ силу до самаго конца XVII в. «Съ вѣкомъ перемѣняются и обычаи, говоритъ Корбъ. — Безспорно, въ Московіи могъ прежде существовать такой обычай (при бракосочетаніи царя), что къ нему свозятъ со всѣхъ концовъ страны дѣвицъ, отличающихся красотою и стройностію стана. Царь выбиралъ изъ нихъ себѣ ту, которая ему наиболѣе нравилась; но теперь этотъ обычай уже принадлежитъ къ старинѣ. Нынѣ цари женятся по совѣту тѣхъ, которые, по ихъ званію, или по милости царской, занимаютъ въ государствѣ второе мѣсто.... Между фамиліями иноземныхъ государей, продолжаетъ онъ, понынѣ было опасно искать себѣ супругъ, такъ какъ бояре и вельможи царства, изъ пустой боязни утверждаютъ, будто посредствомъ браковъ съ иностранцами вводятся весьма вредныя перемѣны въ отечествѣ и народъ перенимаетъ новые иноземные нравы и забываетъ старые обычаи. По мнѣнію бояръ, самая религія предковъ можетъ при этомъ потерять свою чистоту и наконецъ вся Московія подвергнется самой большой опасности... Однакожъ, есть нѣкоторая надежда, что въ наступающемъ столѣтіи нравы москвитянъ смягчаются, чему весьма способствуютъ умныя распоряженія царя о томъ, чтобы москвитяне часто посѣщали земли сосѣднихъ народовъ; чрезъ сношенія съ ними русскіе, просвѣтившись, быть можетъ, полюбятъ то, чѣмъ теперь гнушаются, и будутъ желать,

надлежитъ Олеарію, по тексту котораго мы и приводимъ здѣсь ихъ описаніе. Приготовивъ все нужное для брака [1]), пишетъ Олеарій,—„уже позднимъ вечеромъ женихъ отправляется со всѣми своими друзьями и пріятелями, предводимый священникомъ, долженствующимъ вѣнчать его и ѣдущимъ верхомъ на лошади, въ домъ невѣсты. Здѣсь собравшіеся уже друзья и пріятели невѣсты принимаютъ жениха со всѣми его сопутниками и важнѣйшіе изъ нихъ или ближайшіе пріятели жениха приглашаются къ столу, на которомъ поставлено уже три блюда, но къ блюдамъ этимъ никто изъ гостей не прикасается. Въ верхнемъ концѣ стола оставляется мѣсто для жениха, который по приходѣ остается нѣкоторое время на ногахъ и бесѣдуетъ съ друзьями и

чтобы ихъ государи искали себѣ женъ у иноземцевъ, когда узнаютъ, что посредствомъ родовыхъ связей, самыхъ священнѣйшихъ, народы входятъ въ пріязненныя другъ съ другомъ отношенія, прекращаютъ войны и часто останавливаютъ даже самыхъ побѣдителей въ ихъ войнахъ» (стр. 243—244).

[1]) Приготовленія эти, по сообщенію того же автора, происходили такимъ образомъ: къ жениху и невѣстѣ приставляются двѣ женщины, называемыя у нихъ свахами, въ родѣ ключницъ, которыя въ домѣ вѣнчающихся должны все устроить и приготовить тамъ брачную постель. Съ ней идетъ до ста разодѣтыхъ въ кафтаны слугъ, которые несутъ на головахъ каждый что либо принадлежащее къ брачной постели, или къ украшенію брачнаго покоя. Брачная постель приготовляется на 40 ржаныхъ снопахъ, положенныхъ одинъ на другомъ, и первые снопы кладетъ самъ женихъ; затѣмъ, въ томъ же покоѣ ставится нѣсколько кадокъ, или бочекъ, съ пшеницей, ячменемъ и овсомъ, что означаетъ и какъ-бы способствуетъ тому, чтобы вступающіе въ бракъ въ сожительствѣ своемъ имѣли всегда изобиліе въ пищѣ и въ средствахъ жизни» (стр. 205 — 206). Седербергъ коротко повторяетъ тоже самое (стр. 23 — 24) съ присоединеніемъ того, что «женихъ наканунѣ свадьбы посылаетъ свою сваху, въ сопровожденіи нѣсколько прислужниковъ, съ великолѣпными нарядами и уборами, также съ ларчикомъ, наполненнымъ драгоцѣнностями, гребенку, зеркало и коробочку румянъ, которыя русскія женщины всегда употребляютъ; ибо никто не посмѣетъ явиться на свадьбу, не нарумянившись, если не хочетъ навлечь на себя всеобщее презрѣніе и насмѣшки» (стр. 24).

дружками невѣсты; въ это время на оставленное для жениха мѣсто сажаютъ мальчика, котораго женихъ, кончивъ свою бесѣду, долженъ почтительно снять со скамьи. Когда, такимъ образомъ, снявши мальчика, женихъ сядетъ на свое мѣсто, приводятъ невѣсту съ закрытымъ лицомъ и великолѣпно разодѣтую, сажаютъ ее рядомъ съ женихомъ, и, чтобы они не могли видѣть другъ друга, между ними протягивается кусокъ красной тафты, который держатъ два мальчика. Затѣмъ приходитъ сваха невѣсты, чешетъ ей волосы, которыя у нея распущены, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы, надѣваетъ ей на голову вѣнецъ и другія украшенія, которыя и оставляетъ такъ на ней открытыми. Вѣнецъ дѣлается изъ тонко-кованнаго листоваго золота, или серебра, подбивается матеріей, и по сторонамъ, около ушей, гдѣ вѣнецъ нѣсколько загибается къ низу, привѣшиваются къ нему 4, 6 и болѣе нитокъ крупнаго жемчугу, которыя ниспадаютъ на грудь. Верхній кафтанъ невѣсты, спереди, сверху до низу, около рукавовъ, которыя бываютъ шириною аршина въ два, а также и на твердо стоячемъ воротникѣ, бывающемъ пальца въ три шириною, плотно унизанъ крупнымъ жемчугомъ, и такой кафтанъ стоитъ иногда далеко дороже 1000 талеровъ.

Сваха расчесываетъ также и жениха, а между тѣмъ нѣсколько женщинъ, сѣвши на лавки, поютъ всякаго рода срамныя пѣсни. Затѣмъ приходятъ два молодыхъ человѣка, весьма богато одѣтые, и приносятъ на носилкахъ огромной величины сыръ и нѣсколько хлѣбовъ, со всѣхъ сторонъ обвѣшанныхъ соболями. Такіе же хлѣбы приносятъ и со стороны невѣсты, и хлѣбы эти называются коровайниками (kroba'nicke). Попъ благословляетъ эти принесенные сыръ и хлѣбы, которые и относятся послѣ этого въ церковь; затѣмъ приносятъ большое серебряное блюдо, кладутъ на него четвероугольные кусочки атласу и тафты, столько, чтобы изъ нихъ можно было сшить небольшой кошель, также четвероугольныя небольшія серебрянныя пластинки,

хмѣль, ячмень и овесъ, все это перемѣшивается на блюдѣ и самое блюдо ставятъ на столъ. Тогда опять появляется сваха, которая снова покрываетъ невѣсту и изъ блюда посыпаетъ всѣхъ бояръ и прочихъ мужчинъ, которые, если хотятъ, подбираютъ разбросанные свахою кусочки атласу и серебра; а между тѣмъ во все это время поются пѣсни. Наконецъ, встаютъ родители жениха и невѣсты, и заставляютъ послѣднихъ обмѣниваться кольцами“ (стр. 206—207).—Таковы предбрачные обряды были именно при свадьбахъ знатныхъ; что же касается до простонародья, то у нихъ, по короткому извѣстію того же автора, тѣже обряды заключались въ слѣдующемъ: „Когда должна совершиться свадьба, приходитъ попъ съ серебрянымъ крестомъ въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несущихъ зажженныя восковыя свѣчи. Онъ благословляетъ прежде мальчиковъ, потомъ и гостей. Затѣмъ женихъ и невѣста также садятся за столъ и между ними также протягивается кусокъ тафты. Когда сваха уберетъ невѣсту, она заставляетъ молодыхъ приблизиться лицами другъ къ другу, смотрѣться въ одно зеркало и любезно улыбаться другъ другу. Между тѣмъ другія свахи обсыпаютъ молодыхъ и гостей хмѣлемъ. Отправляются въ церковь, гдѣ совершается вѣнчаніе“ (стр. 210) [1].

---

[1]) Седербергъ въ концѣ описанія того же самаго предмета передаетъ нѣсколько иначе. По его извѣстію, сваха, послѣ того какъ причешетъ жениха, сама снимаетъ красное покрывало (которое находилось между женихомъ и невѣстою), послѣ чего уже они приближаютъ свои щеки и смотрятся въ зеркало... Затѣмъ является попъ и благословляетъ невѣсту и жениха хлѣбомъ и большимъ сыромъ, обложеннымъ соболями, подносимыми двумя мальчиками, которые ихъ въ такомъ же видѣ относятъ въ церковь»... и т. д. (какъ у Олеарія) (см. 24).

Въ числѣ бытовыхъ обычаевъ, имѣвшихъ мѣсто предъ самымъ бракомъ, Седербергъ описываетъ еще слѣдующее: «Отецъ вызываетъ свою дочь изъ комнаты, и она выходитъ закрытая фатою, и ее спрашиваютъ почти такъ, какъ это дѣлалось у древнихъ римлянъ, — желаетъ ли она такого-то? Если она отвѣчаетъ утвердительно, то отецъ ударяетъ ее тихонько новою плеткой,

Самая ранняя попытка описанія совершенія бракосочетанія принадлежитъ перу неизвѣстнаго англичанина XVI в.; къ сожалѣнію ее далеко нельзя назвать удачною. Авторъ отмѣчаетъ болѣе бытовой элементъ, привносившійся сюда, нежели самое совершеніе таинства. „По окончательномъ сговорѣ, говоритъ авторъ, назначается день вѣнчанія. Когда слѣдуетъ идти въ церковь, невѣста ни за что добромъ туда не идетъ, а упорствуетъ и споритъ съ убѣждающими ее идти и притворяется плачущею до того наконецъ, что 2 женщины выводятъ ее и ведутъ въ церковь, плотно закрывши ея лицо, чтобы притворство ея не могло быть открыто замѣчено; невѣста же производитъ большой шумъ, какъ будто рыдаетъ и плачетъ, до самаго прихода въ церковь, гдѣ снимаютъ покрывало съ ея лица. Женихъ приходитъ въ сопровожденіи своихъ пріятелей, которые приносятъ съ собою большой кувшинъ меду или вина. Тогда священникъ совокупляетъ ихъ во многомъ согласно съ нашими обрядами, они оба даютъ обѣщаніе любить и служить другъ другу въ продолженіе

приговаривая: «Любезная дочь! вотъ послѣдніе удары, получаемые тобою отъ меня, подъ властію котораго ты доселѣ состояла: твой присущій мужъ займетъ теперь мѣсто, и отнынѣ самъ, если ты не будешь повиноваться ему, будетъ тебя наказывать». Послѣ чего передаетъ онъ плетку въ руки зятя, который принимаетъ этотъ подарокъ, но какъ лишній, то вслѣдъ за симъ, даетъ своей невѣстѣ поцѣлуй» (стр. 23). Корбъ передаетъ тоже самое въ нѣсколько иныхъ чертахъ: по нему, отецъ говоритъ дочери: «этотъ послѣдній ударъ, милая моя дочь, напоминаетъ тебѣ отцовскую власть. Ты жила до сихъ поръ покорная отцовской власти, нынѣ я выпускаю тебя изъ своихъ рукъ, но помни, что ты не столько освобождаешься отъ власти, сколько переходишь подъ другую, и если ты не будешь держать себя прилично въ отношеніи къ мужу, то онъ, вмѣсто меня, поучитъ тебя этою плетью». Кончивъ эту рѣчь, отецъ подаетъ плеть жениху, при чемъ тотъ, въ нѣсколькихъ словахъ отказывается ее брать, ссылается на свой характеръ и говоритъ: «я не думаю, чтобы эта плеть мнѣ понадобилась». Тѣмъ не менѣе онъ долженъ ее принять и заткнуть себѣ за поясъ, какъ будто какой нибудь богатый подарокъ» (стр. 290).

своей жизни. Затѣмъ они пьютъ вино, сперва невѣста, потомъ женихъ, который тотчасъ же бросаетъ чашу на полъ и спѣшитъ тотчасъ же наступить на нее, тоже дѣлаетъ и невѣста, и кто изъ нихъ первый наступитъ, того побѣда, и тотъ на всегда будетъ господиномъ (обыкновенно, это удается жениху: ему удобнѣе наступить на чашу, которую онъ самъ бросаетъ). Послѣ этого идутъ домой; лицо новобрачной открыто" (стр. 27). — По поводу этого описанія можно только сказать, что указываемые авторомъ обычаи отчасти имѣютъ мѣсто и въ настоящее время.

Для нашей цѣли болѣе важно въ данномъ случаѣ описаніе современника только что приведеннаго автора, — Гваньино: „Съ слѣдующею обрядностью у русскихъ соединяется бракъ между обрученными женихомъ и невѣстою, говоритъ онъ. — Сначала среди храма приготовляется столъ. Когда обрученные входятъ въ храмъ, священникъ, предшествуя, читаетъ извѣстныя молитвы; потомъ, по одиночкѣ, онъ и діаконъ яснымъ голосомъ молятся за патріарха (?), митрополитовъ, епископовъ и весь клиръ, за своего царя, за весь воинскій чинъ и за весь православный народъ. По совершеніи сего, женихъ и невѣста подходятъ къ приготовленному столу и становятся, по обычаю, на подосланное имъ подъ ноги полотенце; потомъ священникъ спрашиваетъ по положенію: „не обѣщались ли когда-нибудь другому-кому? и, перемѣняя кольца, соединяетъ руки того и другой. Далѣе, возлагаетъ на голову обоимъ вѣнцы, деревянные или изъ липовой коры — раскрашенные, хранимые на этотъ случай въ церкви. Возлагая ихъ, священникъ произноситъ: „Ты положилъ, Господи, вѣнецъ на голову ей изъ камня многоцѣннаго и проч." Евангеліе читаетъ о бракѣ, бывшемъ въ Канѣ Галилейской. Потомъ подносятъ брачущимся для вкушенія хлѣбъ и освященное пиво; за симъ женихъ и невѣста, держась за епитрахиль (который у священника виситъ на шеѣ), слѣдуютъ за впереди идущимъ священникомъ, который говоритъ: „окружите

народы Сіонъ и дадите славу имени Бога вышняго. Окруживши три раза столъ, брачные занимаютъ свои мѣста, и священникъ читаетъ псаломъ: „Помилуй насъ Господи, по великой милости Твоей“ и проч. Наконецъ, вознесши Богу молитвы за всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ и мирскихъ, выходятъ изъ храма“ (pag. 22). Это описаніе, конечно, не лишено частныхъ ошибокъ, но въ общемъ оно сравнительно рѣдкій образецъ отношенія иностранцевъ къ русской церковной обрядности.

Въ XVII вѣкѣ описанія вѣнчанія брака, оставленныя Петреемъ, Олеаріемъ и Седербергомъ, во многомъ сходны между собою. Бо́льшею безпристрастностью и солидностью изложенія изъ нихъ отличается только описаніе Олеарія, на которое здѣсь мы преимущественно и обращаемъ вниманіе. „Послѣ (предбрачныхъ) обрядовъ, говоритъ онъ, сваха беретъ невѣсту, усаживаетъ ее въ сани и все еще съ закрытымъ лицемъ везетъ ее въ церковь. Лошадь, которая везетъ невѣсту въ церковь, вокругъ шеи и подъ дугою обвѣшивается множествомъ лисьихъ хвостовъ. За невѣстой тотчасъ же отправляется женихъ, сопровождаемый своими дружками и священникомъ, причемъ этого послѣдняго, уже готоваго отъ свадебныхъ напитковъ свалиться съ лошади, нужно бываетъ поддерживать съ обѣихъ сторонъ, какъ во время его поѣзда въ церковь верхомъ, такъ и въ церкви, при совершеніи имъ вѣнчанія. Подлѣ саней ѣдутъ нѣкоторые хорошіе друзья и множество прислуги (рабы), и въ это время отпускаются при поѣздѣ самыя грубыя и непристойныя шутки“ [1]).

Въ церкви довольно большое пространство, гдѣ долженъ совершиться обрядъ вѣнчанія, покрывается красною тафтою, а на ней постилается еще особый

---

[1]) Относительно пьянаго состоянія священника замѣчаютъ и Петрей (стр. 409) и Седербергъ. По выраженію послѣдняго священникъ «зачастую такъ ужъ бываетъ пьянъ, что едва можетъ двигаться» (стр. 24).

кусокъ этой матеріи, на которую и становятся женихъ съ невѣстою [1]). Передъ вѣнчаніемъ дѣлаются священнику, по его требованію, приношенія, состоящія изъ пироговъ и другихъ печеній [2]), затѣмъ подъ головами жениха и невѣсты держатъ образа и благословляютъ брачущихся. Потомъ попъ обѣими своими руками беретъ правую руку жениха, лѣвую невѣсты, и трижды спрашиваетъ ихъ: желаютъ ли они имѣть другъ друга и жить неразлучно [3])? получивъ отвѣты, священникъ обводитъ вѣнчающихся кругомъ и поетъ 127 [4]) псаломъ, который женихъ и невѣста, обходя кругъ, какъ бы приплясывая, повторяютъ по частямъ [5]). Послѣ такого круговаго хожденія, священникъ возлагаетъ на головы жениха и невѣсты довольно красивыя короны или вѣнцы [6]); но если изъ брачущихся кто либо вдовецъ, или вдова, то вѣнцы возлагаются не на головы, а на плечи [7]), при чемъ во всякомъ случаѣ попъ произноситъ: „Ростите и множитеся“, а соединяя ихъ говоритъ далѣе: „что Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ“ и проч. [8]). Между тѣмъ предстоящіе въ

---

[1]) Этого у Петрея и Седерберга нѣтъ.

[2]) По выраженію Седерберга (ibid.) «въ церкви прежде всего удовлетворяютъ священника». Петрей же говоритъ «священникъ сначала требуетъ своего должнаго, а именно нѣсколькихъ печеныхъ пироговъ, и, какъ скоро получитъ ихъ, вѣнчаетъ (стр. 409).

[3]) Точно также и у Седерберга (стр. 24—25).

[4]) У того же автора—128 псаломъ (стр. 25).

[5]) Этого нѣтъ у Седерберга.

[6]) Вѣнцы, по тому же автору, приносятся мальчикомъ.

[7]) Такъ и у Седерберга.

[8]) У Седерберга проще: «Попъ возлагаетъ (вѣнцы)... съ слѣдующими словами: «еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ! Ростите и множитеся!» (ibid.). По Петрею же вся представленная изъ описанія Олеарія часть излагается такъ: «(Священникъ) сперва начинаетъ пѣть 127 псаломъ Давида, потомъ подходитъ къ жениху, кладетъ руку ему на голову и говоритъ: «Скажи мнѣ, господинъ женихъ, хочешь ли взять себѣ въ жену эту нѣжную, моло-

церкви свадебные гости зажигаютъ маленькія восковыя свѣчи и подаютъ попу деревянную вызолоченную чашу, или просто стеклянную рюмку съ краснымъ виномъ, изъ которой священникъ даетъ пить брачущимся, такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ пить по три раза и за послѣднимъ разомъ допить все вино [1]). Тутъ женихъ бросаетъ пустую рюмку объ полъ, разбиваетъ ее и топчетъ кусочки ея ногами, вмѣстѣ съ невѣстою, съ слѣдующими словами: да расточатся такъ, и да потребятся такъ нашими ногами всѣ тѣ, которые возномѣрятся возбудить вражду и ненависть между нами!“ [2]). Тутъ предстоящія женщины обсыпаютъ новобрачныхъ льняным и конопляным сѣменемъ, желаютъ имъ

дую дѣвицу и любить ее въ нуждѣ и довольствѣ? Не будешь ли бранить и корить ее крѣпкимъ словомъ и бить кнутомъ и палкой? Не бросишь ли ее, когда она будетъ слаба, больна, дряхла»? Женихъ отвѣчаетъ на это: «нѣтъ». Точно также обращается онъ и къ невѣстѣ и спрашиваетъ, что, будучи такою маленькою, молоденькою и нѣжною, намѣрена ли она взять себѣ въ мужья такого великана и будетъ ли удовлетворять его какъ жена. Хорошо ли будетъ вести его домашнее хозяйство? Сохранитъ ли ему вѣрность, когда онъ устарѣетъ, поостынетъ, сдѣлается слабъ и дряхлъ? Она отвѣчаетъ на это: «Да». Священникъ тотчасъ же беретъ вѣночекъ изъ полыни (?), кладетъ его на головы имъ и говоритъ: «Роститеся и множитеся», потомъ читаетъ, благословляетъ ихъ трижды крестикомъ и говоритъ: что Богъ соединилъ, того никто не долженъ разлучать» (стр. 409—410).

[1]) По Петрею, подается «чаша съ медомъ» (стр. 410); Седербергъ же низводитъ этотъ актъ на степень чисто бытоваго обычая, говоря: «попъ пьетъ за здравіе жениха и невѣсты стаканъ краснаго вина, а они обязаны отвѣчать ему такимъ же образомъ три раза (стр. 25). Извѣстіе здѣсь о вкушеніи вина самимъ совершителемъ таинства, нужно замѣтить, имѣетъ мѣсто и въ сказаніи Паэрле о бракѣ лжедимитрія. «Первосвятитель, говоритъ онъ, взялъ стаканъ съ краснымъ виномъ, и, выпивъ изъ него сначала самъ, далъ пить трижды великому князю и княгинѣ» (стр. 187).

[2]) Такъ у Петрея и Седерберга (ibid.). И у того же Паэрле. Послѣдній за приведеннымъ мѣстомъ продолжаетъ: «Потомъ (патріархъ) поставилъ стаканъ на землю предъ великими князьями, который растопталъ его ногами» (ibid.).

счастія, и нѣкоторыя дергаютъ и тащутъ невѣсту, какъ бы желая отнять ее у жениха, но женихъ и невѣста крѣпко держатся другъ за друга [1]). Наконецъ, женихъ уводитъ невѣсту изъ церкви къ санямъ, сажаетъ ее, самъ же опять ѣдетъ за нею верхомъ [2]). Около невѣсты несутъ шесть горящихъ восковыхъ свѣчей [3]), а провожающіе гости и пріятели опять начинаютъ выдѣлывать разныя грубѣйшія шутки“ (стр. 207—208).

За болѣе позднее время описаніе браковѣнчанія осталось только у Корба и Корнилія де-Бруина. Первый, какъ и многіе другіе иностранцы, также занимается болѣе бытовою стороною дѣла, при чемъ сообщаетъ нѣкоторые обычаи не указанные другими иностранцами. „На разсвѣтѣ дня, назначеннаго для брачнаго торжества, говоритъ онъ, родители и подруги невѣсты ведутъ ее, покрытую льняным покрываломъ съ головы до бедръ, въ церковь; женихъ, въ сопровожденіи своихъ, отправляется туда же (при чемъ во всякомъ случаѣ, хотя бы церковь находилась и близко отъ дома, всѣ, и даже люди небогатые, ѣдутъ, а не идутъ). Обряды и слова священника почти тѣже, какія употребляются и у прочихъ христіанъ: вѣрность укрѣпляется кольцомъ, руку невѣсты вкладываютъ въ руку жениха; по ихъ освобожденіи, невѣста падаетъ ницъ къ стопамъ жениха и головою касается его пятъ, въ знакъ полнаго ему подчиненія; женихъ, съ своей стороны, покрываетъ невѣсту полою своего кафтана, заявляя тѣмъ, что принимаетъ ее подъ свое попеченіе [4]);

---

[1]) Этого нѣтъ у указываемыхъ авторовъ.

[2]) По Седербергу, «женихъ въ каретѣ или въ саняхъ везетъ невѣсту къ себѣ, куда за женихомъ слѣдуютъ всѣ поѣзжане»,— тамъ и бываетъ брачный пиръ (стр. 25).

[3]) Этого нѣтъ ни у Петрея, ни у Седерберга.

[4]) Вѣроятно Корбъ составлялъ свое описаніе, руководясь наблюденіями надъ совершеніемъ браковѣнчанія у простаго народа.

послѣ того родные и друзья обѣихъ сторонъ кланяются жениху и невѣстѣ въ знакъ того, что новобрачные должны впредь уважать и любить другъ друга. Наконецъ, отецъ жениха подаетъ хлѣбъ священнику, а тотъ какъ можно скорѣе передаетъ его въ руку отца невѣсты, прося его, чтобы въ назначенный день уплатилъ жениху обѣщанное приданое и въ будущее время сохранялъ бы съ нимъ и съ его друзьями постоянную дружбу; затѣмъ хлѣбъ невѣсты ломается на многія части, и отдѣльные куски раздаются между присутствующими ея родными и свойственниками въ знакъ того, чтобы всѣ они впредь составляли, такъ сказать, одинъ хлѣбъ; по окончаніи сихъ обрядовъ женихъ ведетъ невѣсту подъ руку въ сѣни церковныя и наливаетъ ей полную чашу меду. Она, принявъ чашу, отвѣдываетъ ее подъ покрываломъ; и затѣмъ оба въ сопровожденіи своихъ друзей отправляются въ домъ родителей. При входѣ въ домъ молодыхъ, ихъ осыпаютъ хлѣбными зернами, въ знакъ пожеланія плодовитости и достатковъ“ (стр. 290—291).—Останавливаясь на этомъ описаніи, мы должны сказать, что всѣ бытовые обряды, которые указываются Корбомъ, несомнѣнно, имѣли мѣсто въ практикѣ. Но у автора, кажется, было слишкомъ слабо различіе въ обрядѣ браковѣнчанія — бытоваго и церковнаго; отсюда первому онъ придалъ бо́льшее значеніе, чѣмъ слѣдовало бы, и оставилъ намъ смутное описаніе церковнаго брачнаго обряда. Корніліемъ де-Бруиномъ оставлено описаніе (относящееся уже къ XVIII в.) опредѣленнаго факта брачнаго торжества, именно сына боярина Головина съ дочерью Бориса Шереметьева. Не сообщая особенно важнаго, оно въ тоже время не лишено интереса. „Когда начался обрядъ, пишетъ онъ [1]), священникъ сталъ

---

[1]) Пріѣздъ жениха и невѣсты къ браковѣнчанію онъ описываетъ такимъ образомъ: «Въ 12 часовъ (дня) ему (жениху) доложили, что время идти къ мѣсту вѣнчанія, куда онъ и отправился, сопровождаемый звукомъ трубъ и литавровъ, ожидавшихъ его у

предъ брачущимися, и началъ читать книгу, которую держалъ въ рукѣ, послѣ чего женихъ надѣлъ кольцо на палецъ своей невѣсты. Тогда священникъ взялъ два гладкія вѣнца, раззолоченные на диво, далъ ихъ поцѣловать брачущимся, и затѣмъ возложилъ ихъ на головы жениху и невѣстѣ. Затѣмъ онъ снова началъ читать и, соединивъ правыя руки жениха и невѣсты, провелъ ихъ такимъ образомъ троекратно по часовнѣ. Послѣ этого священникъ взялъ чашку съ краснымъ виномъ, которую и далъ выпить жениху и невѣстѣ. Эти послѣдніе, отпивши вино, возвратили чашку священнику, который и передалъ ее служившимъ при немъ. Его Величество, расхаживавшій во все это время

входа. Мѣстомъ вѣнчанія была небольшая дворцовая часовня, находившаяся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца (Головина). Трудно было бы воспроизвесть все великолѣпіе этого торжества. Въ немъ Его Величество принялъ на себя обязанность распорядителя (маршала), и вездѣ присутствовалъ лично самъ. Какъ только женихъ прибылъ въ часовню, послалъ за невѣстой.... Всѣ русскія и нѣмецкія госпожи, приглашенныя на свадьбу, также отправились для сопутствованія невѣсты, которую приняли слѣдующимъ образомъ. Первымъ ѣхалъ литаврщикъ, верхомъ на бѣлой лошади, сопровождаемый пятью трубачами на такихъ же лошадяхъ, впереди три, назади два. Затѣмъ слѣдовали 16 дворецкихъ, набранныхъ изъ русскихъ и иностранцевъ, всѣ на прекраснѣйшихъ коняхъ. Потомъ ѣхалъ Его Величество въ отличной голландской каретѣ, съ шестернею лошадей... За нимъ 5 пустыхъ каретъ, также шестерней каждая; далѣе коляска шестерней для невѣсты и нѣкоторыхъ другихъ боярынь. Между тѣмъ Княжна, сестра Его Величества, царица и три молодыя княжны, отправились въ брачный дворецъ въ каретахъ, но не колесныхъ, а на полозьяхъ, въ родѣ саней, каждая въ особой, а въ каждой изъ этихъ каретъ или саней запряжено было тоже по 6 лошадей. Кромѣ того тутъ ѣхало множество придворныхъ дѣвицъ. Спустя полчаса появилась невѣста съ дѣвицами, которыя сопровождали ее, и нѣкоторыя были размѣщены въ помянутыхъ выше пустыхъ каретахъ. Когда невѣста приблизилась ко дворцу, ее встрѣтили тамъ два боярина, представлявшіе ея (посаженныхъ) отцовъ.... Оба они приняли невѣсту за руку и повели ее въ часовню, гдѣ она и заняла мѣсто подлѣ своего жениха... (Далѣе, до рѣчи объ обрядѣ бракосочетанія, авторъ только подробно трактуетъ о костюмѣ брачившихся) (стр. 111—112).

съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, видя, что священникъ снова принялся читать, приказалъ ему сократить обрядъ, и минуту спустя, священникъ далъ брачное благословеніе, а Его Величество приказалъ тутъ жениху поцѣловать невѣсту.... послѣ этого отправились прежнимъ порядкомъ въ свадебный домъ (къ Головину" (стр. 112).

Извѣстіемъ де-Бруина исчерпываются сообщенія иностранцевъ о совершеніи брака. Обобщая ихъ, мы должны сказать, что особенно подробныхъ свѣдѣній они не оставляютъ намъ, что распорядокъ дѣйствій при браковѣнчаніи иногда представляется совершенно невѣрнымъ (см. напр. у Олеарія и др.—послѣдовательность круговаго хожденія и надѣванія вѣнцовъ) и что, наконецъ, многія частныя извѣстія, сообщаемыя ими, вслѣдствіе ли неточности наблюденій, или другихъ какихъ условій, ложны. Тѣмъ не менѣе и при такихъ недостаткахъ они не лишены значенія, такъ какъ въ нерѣдкихъ случаяхъ сообщаютъ свѣдѣнія, имѣющія мѣсто и въ русскихъ памятникахъ. Не вдаваясь въ подтвержденіе, мы укажемъ только на нѣкоторые факты. Такъ, указаніе иностранцами на послѣ-обѣденное время, какъ на преимущественное для совершенія брака, оправдывается древнею бытовою практикою. Говоримъ такъ потому, что постановленія митрополита Фотія [1]), а затѣмъ Стоглаваго собора [2]) о совершеніи браковѣнчанія не вечеромъ, а послѣ обѣдни, по всей вѣроятности, тѣмъ и были вызваны, что на практикѣ бракъ всегда совершался въ послѣ-обѣденное время. Приглашеніе женихомъ священника къ себѣ на домъ, появленіе послѣдняго вмѣстѣ съ женихомъ въ домъ невѣсты, его присутствіе при предбрачныхъ обрядахъ, благословеніе имъ хлѣба и сыра и наконецъ движеніе обратнаго поѣзда въ сопровожденіи священника, все

---

[1]) Русск. Историч. Библ. т. VI, стр. 274.

[2]) Стоглавъ, Казань, 1864, стр. 110.

это оправдывается русскими памятниками [1]). Что вѣнцы брачные дѣлались изъ дерева,—свидѣтельство этому,—подобные вѣнцы, сохранившіяся до настоящаго времени [2]). Указаніе на вопросы къ брачущимся объ ихъ согласіи на сожитія, какъ объ этомъ говорятъ иностранцы, мы не находимъ въ русскихъ памятникахъ. Однако въ виду соединенія въ древности съ церковнымъ чиномъ бракосочетанія множества бытовыхъ обрядовъ, нѣтъ основаній отрицать существованіе указываемыхъ вопросовъ, какъ акта бытоваго характера. Въ русскихъ же памятникахъ, наконецъ, сохранилось указаніе и на то, что сосудъ, въ коемъ было подносимо брачущимся вино, сокрушался [3]), и что при второ-брачіи вѣнцы возлагались не на голову, а на плечи брачущихся [4]).

Свои сообщенія о русскихъ брачныхъ обрядахъ и обычаяхъ иностранцы иногда заканчиваютъ извѣстіями объ условіяхъ развода у русскихъ. Брачные разводы по самому раннему для насъ извѣстію, Гваньино, бываютъ (у русскихъ) съ дозволенія епископовъ, которые даютъ разводныя письма (pag. 22). Наряду съ такимъ вполнѣ законнымъ способомъ развода, практиковался еще другой способъ, такъ сказать, бытовой. Описывая его тотъ же авторъ далѣе продолжаетъ: „Нѣкоторые же изъ простонародья, коимъ по причинѣ дальняго пути доступъ къ епископамъ бываетъ труденъ, совершаютъ разводъ такимъ образомъ (по своему народному старинному обычаю). Когда мужъ и жена оба не нравятся другъ другу, тогда они выходятъ обыкновенно за село на тройной перекрестокъ

---

[1]) См. А. А. Дмитріевскій. «Богослуженіе Русской Церкви въ XVI в.». Казань, 1884, стр. 380—384.

[2]) См. статью Н. В. Покровскаго въ Хр. Чт. 1882 г. № 7—8, стр. 27—160.

[3]) См. у Дмитріевскаго, ibid., стр. 397.

[4]) Ibid., стр. 402—405.

(мѣсто гдѣ сходятся три дороги). Взявши полотенце и оба держась за него руками, всходятъ на средину перекрестка. Разодравши тутъ полотенце между собою, они думаютъ, что теперь и супружество ихъ расторжено стало. Отверженной женѣ мужъ по обычаю говоритъ: „ты ступай по тому мѣсту, а я пойду по этому мѣсту“. Впрочемъ, добавляетъ Гваньино, этотъ безчестный способъ расторженія брака нынѣ вовсе вышелъ изъ употребленія (Ibid.). Такимъ образомъ, по сказаніямъ иностранцевъ, еще въ XVI вѣкѣ практиковалось два способа развода — чисто юридическій и бытовой. Неизвѣстно при какомъ именно способѣ, но разводы у русскихъ, по сообщеніямъ иностранцевъ, были явленіемъ очень частымъ. Это свидѣтельствуетъ и цитуемый нами авторъ и многіе другіе: объясняется это, по мнѣнію ф.-Бухау, тѣмъ, что русскіе „разводятся безъ уважительныхъ причинъ: только по требованію своей воли и страсти“ (стр. 46). Позднѣе Петрей въ такихъ чертахъ рисуетъ произволъ русскихъ въ дѣлѣ развода: „Всякій (изъ русскихъ), говоритъ онъ, доволенъ своею женою пока она ему нравится. Какъ скоро же жена не станетъ нравиться мужу, между ними не будетъ согласія и онъ охотно желалъ бы отъ нея избавиться, только не имѣетъ законныхъ предлоговъ къ разводу, (напр. распутство, смертоубійство, колдовство, воровство и другія преступленія) онъ подкупаетъ нѣсколькихъ мошенниковъ, которые приходятъ къ нему, выдумываютъ большія клеветы, говорятъ что жена его дѣлала то-то и то-то. Мужъ отправляется съ ними къ чернецамъ въ монастырь, проситъ, чтобы они послушали, что мошенники говорятъ объ его женѣ, что она сдѣлала и то и другое, а потому онъ и желаетъ развестись съ нею, и даетъ чернецамъ 20 или 30 талеровъ. Чернецы тотчасъ же отправляются въ женскій монастырь и приказываютъ черницамъ идти въ тотъ домъ, гдѣ живетъ эта жена. Онѣ тотъ часъ-же берутъ ее, остригаютъ ей волосы, снимаютъ съ нея платье, надѣваютъ на нее черническое и по-

скорѣе ведутъ ее, противъ воли, въ монастырь, гдѣ и должна она оставаться черницей до самой смерти. А мужъ до истеченія шести недѣль не можетъ опять жениться, но потомъ ему разрѣшается взять другую жену (стр. 413) [1]). Насколько личный произволъ мужа, по иностранцамъ, нерѣдко служилъ единственнымъ основаніемъ развода, настолько же напротивъ дѣйствительно—законныя основанія игнорировались какъ должные поводы къ прекращенію сожитія мужа и жены; по крайней мѣрѣ, кажется, на это указываетъ Олеарій, когда говоритъ: „они (русскіе) не наказываютъ нарушеніе невѣрности супружеской, если женатый будетъ имѣть сожительство съ другой сторонней женщиной, и считаютъ это просто любодѣйствомъ; нарушителемъ же супружеской вѣрности называютъ они того мужа, который отъ живой жены женится на другой". — Это съ одной стороны. Съ другой — „если жена впадетъ въ развратную жизнь, и на то поступитъ отъ мужа жалоба и преступленіе будетъ доказано, то ее наказываютъ плетью и выдерживаютъ нѣсколько дней въ монастырѣ на хлѣбѣ и водѣ, затѣмъ она возвращается въ домъ мужа, гдѣ получаетъ новое наказаніе плетью за запущенное хозяйство" (стр. 213). Не рѣдкость развода и притомъ безъ достаточныхъ поводовъ, по сказанію Седерберга, была въ прежней силѣ даже въ его время. „Законный бракъ, пишетъ онъ, хотя считается неразрывнымъ, очень слабъ, такъ что разводъ очень обыкновененъ, и происходитъ изъ за очень не важныхъ причинъ"—(стр. 22). Майербергъ немного ранѣе его писалъ: „(русскіе) не гнушаются разводомъ съ женами не только изъ-за невѣрности, но и изъ-за безплодія, даже иногда изъ-за отвращенія къ нимъ даютъ имъ разводную, утвержденную властію церковнаго правленія, дозволяющаго имъ брать другую жену. Да и совсѣмъ не странно, что разводы у знатныхъ людей такъ часты, потому что несчастные, слѣ-

[1]) Тоже и у Олеарія, стр. 213—214.

дуя предосудительному обычаю отечества, должны обыкновенно жениться на тѣхъ, которыхъ дозволяютъ имъ видѣть только по совершеніи брачнаго союза въ церкви, по ихъ взаимному согласію, такъ что нерѣдко случается, что они обязаны бываютъ, вмѣсто желанной Рахили, брать навязанную имъ въ супружество Лію, къ обоюдному въ будущее время раскаянію въ томъ, что дали обмануть себя“ (стр. 83—84). Руководясь послѣднею замѣткою, мы вправѣ думать, что отрицать факты развода внѣ законныхъ къ этому поводовъ нѣтъ основаній; за это говорятъ и данныя чисто русскаго происхожденія. Но прилагать это ко всему русскому народу, какъ дѣлаетъ большинство иностранцевъ,— ничѣмъ не оправдывается; правдивѣе будетъ сказать вмѣстѣ съ Майербергомъ, что если при разводѣ и руководились произволомъ, то развѣ только люди вліятельные и сильные.

Таинство елеосвященія совершается на дому и только въ томъ случаѣ, когда тамъ есть больной, который желаетъ принять это таинство. Въ силу такихъ условій его совершенія, иностранцы относительно этого таинства, какъ и таинства священства, ограничиваются весьма краткими замѣтками, и притомъ замѣтками крайне бѣднаго содержанія. Такъ за XVII в. у Фабри говорится только, что при елеосвященіи читается много молитвъ и совершаются метанія (pag. 12). Къ этому надо присоединить еще ложныя извѣстія того же автора, что елей для разсматриваемаго таинства освящается епископомъ вмѣстѣ съ освященіемъ мура,— и ф.-Бухау, — что, по взгляду русскихъ, „таинствомъ послѣдняго помазанія (елеосвященія) не уничтожаются грѣхи, но что Іаковъ въ своемъ посланіи говоритъ только о тѣлесномъ врачеваніи“ (стр. 45). Отъ XVII вѣка оставлены свѣдѣнія только косвенно относящіяся къ совершенію елеосвященія. Такъ напр. Олеарій говоритъ:—„больныхъ, которымъ не помогаетъ уже никакое лѣкарство, причащаютъ вмѣстѣ съ послѣднимъ соборованіемъ елеемъ и въ такомъ случаѣ больной не

можетъ уже пользоваться никакимъ лекарствомъ и долженъ положиться на одну помощь Божію. Такимъ не даютъ даже ѣсть ничего, за исключеніемъ случая, когда силы больного очевидно возвращаются, такъ что можно надѣяться, что онъ выздоровѣетъ. Русскіе погружаютъ также иногда кости или мощи святыхъ своихъ въ водѣ или хлѣбномъ винѣ и даютъ это пить больнымъ [1]). Нѣкоторые богатые люди, добавляетъ онъ, когда слягутъ на смертный одръ и почувствуютъ, что близится ихъ послѣдній часъ, причащаются и потомъ, по монастырскому уставу, постригаются, муропомазуются и облекаются въ монашескую одежду. Облекшійся въ такую серафимскую (какъ русскіе называютъ) одежду, не долженъ послѣ того, въ теченіи осьми дней принимать ни лѣкарства, ни какой либо пищи; ибо русскіе говорятъ тогда, что таковый состоитъ въ это время въ чинѣ св. ангеловъ. Если случится, что такой больной, противъ всякаго чаянія, выздоровѣетъ, то онъ долженъ уже держаться своего обѣта, отрѣшиться отъ своей супруги или отъ супруга и поступить въ монастырь“ (стр. 364). Всѣ эти свѣдѣнія, только болѣе ясно, изложены и у Майерберга. „Больныхъ, по его извѣстію, въ послѣднемъ борeніи со смертью помазываютъ освященнымъ елеемъ и ничѣмъ уже больше не кормятъ ихъ, если нѣтъ надежды на выздоровленіе. Однакожъ, когда они попросятъ пить, не отказываютъ имъ въ водѣ или въ винѣ, погрузивъ въ нее напередъ образки съ мощами. Если кто нибудь изъ нихъ въ эту страшную минуту, постригшись и помазавшись приметъ монашескій санъ, какъ обыкновенно и дѣлаютъ нѣкоторые изъ угрызенія совѣсти, то цѣлые восемь дней послѣ того онъ не можетъ подкрѣпить себя пищею, какъ сопричисленный къ ангеламъ, ни принимать лѣкарства для облегченія болѣзни. А въ томъ случаѣ, если, выздоровѣвши, онъ перенесетъ такой долгій

[1]) Авторъ заимствуетъ это свѣдѣніе у Поссевина.

постъ, то, хотя и противъ желанія, но долженъ оставить жену, во исполненіе своего обѣта, и идти въ монастырь“ (стр. 101—102) [1]. Указываемый и Олеаріемъ и Майербергомъ обычай—вмѣстѣ съ принятіемъ елеосвященія принимать и постриженіе въ монашество,— по взгляду иностранцевъ же, практиковался очень часто. По крайней мѣрѣ, только этимъ можно объяснить слѣдующее неправильное сообщеніе Маржерета: Въ Россіи, говоритъ онъ, есть особый орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смерти, были соборованы масломъ, однакожъ не умирали. Такіе люди обязываются носить до самой кончины платье, похожее на монашеское. Это считается очень благоугоднымъ дѣломъ: жены ихъ имѣютъ право выдти за другаго мужа“ (стр. 261) [2].

[1]) Вслѣдъ за Олеаріемъ и Майербергомъ, тоже самое читаемъ и у Седерберга (см. стр. 16 и 31).

[2]) Настоящій очеркъ составляетъ извлеченіе изъ статьи, помѣщенной въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1887 — 1888 гг. подъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о храмахъ и богослуженіи Русской церкви по сказаніямъ иностранцевъ XVI—XVII вв.» (Церковно-археологическіе очерки). Предназначая его къ изданію въ отдѣльномъ оттискѣ своевременно, авторъ, по непредвидѣннымъ для него обстоятельствамъ, не имѣлъ возможности осуществить свое намѣреніе до настоящаго времени.